

Искорка 6

газеты
«Ленинские
искорки»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В. И. Ленина

ИЮНЬ • 1978

год издания XXII

Георге БЛЭНАРУ

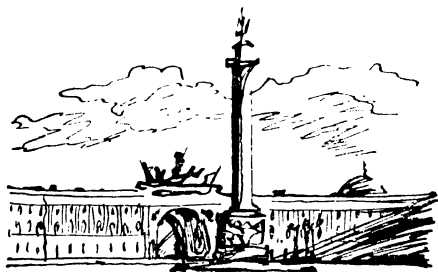
ГОРОД-ЛЕС

Что за чудо — Кодру-Маре,
Кодру-Маре — Город-Лес!
Светофоры на бульваре
Приглашают в мир чудес.
А бульвары в Кодру-Маре —
Это тропы и пути,
И на каждом тротуаре
Хорошо цветам цвести!
Певчий воздух в Кодру-Маре
Полон чистой тишины,
А машины в Кодру-Маре
Навсегда запрещены.
Норам, гнёздам в Кодру-Маре
Ни к чему водопровод:
В тёплом марте, в жарком мае
Там и сям источник бьёт!

А под вечер в Кодру-Маре
Светлячки летят гурьбой,
И у каждого фонарик
Приготовлен голубой.
Вот войдёшь ты в Кодру-Маре —
И услышишь средь ветвей:
Целый мир поёт в разгаре
Самых ясных летних дней.
А захочешь в Кодру-Маре —
Сосчитать его жильцов,
Так придётся в Кодру-Маре
Жизнь прожить, в конце концов!

Перевёл с молдавского Михаил ЯСНОВ

Рис. Л. Коломейцевой

Василий ОСТРОВСКИЙ

КАМНИ—

Не так-то просто найти сейчас в Ленинграде деревянный дом. Мало уже их осталось. Над Невой стоит каменный город. Даже и не верится, что когда-то, всего лишь 275 лет назад, невские берега считались землёю болотистой, топкой...

С чего же начался каменный город? Уж не с того ли «булыжного налога», что ввёл в 1714 году царь Пётр I, когда каждая телега, каждая баржа обязана была везти сюда камни? Может быть, и с него...

Впрочем, ещё раньше, в 1706 году, начала одеваться камнем Петропавловская крепость. В 1710 году появился и первый каменный дом — Г. И. Головкина, ныне не сохранившийся. А спустя четыре года вышел и указ, запрещающий по всей стране каменные дома строить, — весь камень шёл новой столице.

Начала Нева в гранит одеваться. К 1788 году каменной стала набережная левого берега реки — от Литейного дома до Галерного двора (ныне это набережные Кутузова, Дворцовая, Красного Флота). В следующем году получила гранитный наряд Фонтанка. В 1805—1810 годах каменной стала Стрелка Васильевского острова.

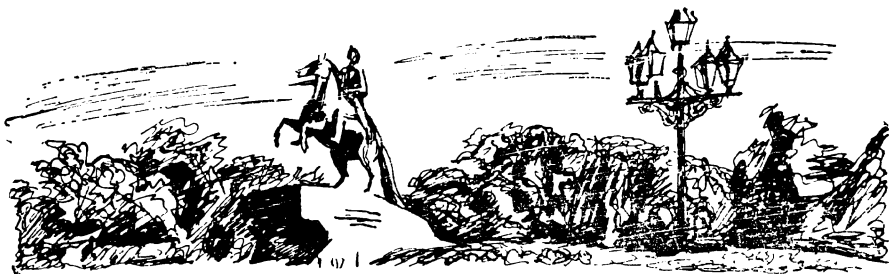
Сейчас длина гранитных набережных города перешагнула уже за 110 километров. Каждый год ей новые десятки, сотни метров добавляют.

Есть в нашем городе среди множества природных камней, поначалу «диких», да немалым трудом обработанных, и свои рекордсмены-великаны. О них и этот рассказ.

«ГРОМ-КАМЕНЬ»

Этот камень искали долго. Впрочем, можно ли назвать его камнем? Скорее уж искали скалу. Искали по требованию скульптора и наперекор упрямству президента Академии художеств Ивана Бецкого, коему было поручено императрицей Екатериной II «содействовать сооружению монумента» — знаменитого памятника Петру I, Медного всадника. Всесильный вельможа сомневался, писал, что камень такой «сыскать безнадежно, а хотя б и сыскался, по великой тягости, паче в провозе через моря или реки и другие великие затруднения последовать могут».

Но так или иначе, а в июне 1767 года экспедиция в составе поручика Егора Буссова, каменных дел мастера Андрея Пилюгина, «ар-

Рисунки Ю. Шабанова

ВЕЛИКАНЫ

хитекторского ученика», двоих солдат и двух каменотёсов отправилась на поиски. С мерами да лекалами излазали земли Новгородские, Приладожье, добрались до Выборга, искали под Копорьем и Ямбургом — нужной скалы не нашли. Хотели уже бросить всю эту затею, сооружать пьедестал из нескольких крупных камней, да пришёл в Академию художеств крестьянин Семён Вишняков. Пришёл и сообщил: есть такой камень! В двенадцати верстах от Петербурга лежит, близ селения Лахта. Прозывается он «Гром-камень».

Осмотреть камень поехал сам создатель памятника Петру I скульптор Фальконе. Серая гранитная скала превзошла все его ожидания! Заросшая густым мхом, глубоко уходила она в землю. В какие-то давние дни ударила в неё молния — расщелину оставила. Поэтому и назвали «Гром-камнем». В расщелину земля набилась, берёзки на камне выросли. Старожилы тут же легенду поведали: будто на сей камень не раз поднимался и сам царь Пётр I, обозревал местность вокруг.

Замелькали лопаты землекопов. Окопали скалу со всех сторон, измерили. По сведениям Фальконе, был этот «камешек» 44 фута длиной, 22 шириной, 27 высотой (свыше 10 метров в сегодняшних мерах длины). Весил этот великан сто тысяч пудов (1600 тонн). Вот такой и подними! Попробуй сдвинь его с места!

А ведь надо и выкопать, и сдвинуть, и перевезти в Петербург.

Поднимать решили с помощью огромных рычагов. Каждый рычаг — три хороших бревна, длиной под 30 метров, ворота с толстыми канатами. Нелегко было, да осилили: подняли камень на специальную решётку из толстых брёвен, обитых медными листами. От места, где лежал камень, до воды просеку прорубили. Дорога готова. Да как его, такую махину, катить?! Не было ведь тогда ни тяжёлых подъёмных кранов, ни тягачей, даже таких привычных нам тракторов не было... Вручную надо было тянуть великана.

Способ передвижки камня предложил руководитель этих работ Ласкари. Только сам ли он придумал его — вопрос!.. Поговаривали, что этот хитрый грек с острова Кафеллиния, выдававший себя ещё и за графа Карбури, просто купил идею передвижки камня у безвестного кузнеца русского. За 20 рублей купил, а за семь тысяч казне продал.

Проложили по просеке крепкие дубовые желоба, изнутри обитые медью. По желобам покатались специально отлитые бронзовые шары. Нижние желоба верхними прикрыли. На них уже и решётка — «сковорода» с самим камнем поместились.

И — потянули!.. Заскрипели ворота, струнами напряжинились канаты.

Это рассказывать быстро, а двигалась скала ой как медленно! За сутки шагов на двадцать-тридцать. На поворотах ещё медленнее. А то соскользнёт с рельсов-желобов и сразу на добрый метр в землю закопается. Тут уж совсем остановка. Месяц за месяцем двигалась скала к воде. Гремел с её вершины барабан — подавал сигналы. Плыли на скале берёзы. Под ними кузница примостилась — для ремонта желобов и шаров. Рядышком солдатская караульня пристроилась. Всем на «Гром-камне» места хватило.

И шёл камень, шёл! Сам хитрый Ласкари, удивляясь, писал: «Почти все русские солдаты и крестьяне-плотники... так ловки с топором и долотом».

Тем временем в Петербурге головы ломали: ну, доставят камень к воде, а дальше как? Как такую громадину водой везти? Бецкой адмирала Мордвинова запрашивал: может ли кронштадтский теребень (большое грузовое судно) столько весу на борт поднять и не потонуть? Доставили теребень в столицу. Поглядели на него, поняли: не поднимет. Нужно специальное судно строить.

Свои услуги предложил тот же Семён Вишняков с товарищем Антоном Шляпкиным: обещали они людей собрать на строительство судна, материал сосновый да еловый доставить и даже гвоздей у казны не потребовали. Заверили: давайте чертёж — сделаем!

Только где его, такой чертёж, взять? Не было ведь подобных судов ни в Неве, ни на Балтике. Для камня-великана нужно и судно-великан строить!

Плохо, конечно, что не было такого судна, зато корабель на реке Неве всегда были славные. И тут отыскался. Галерный мастер Григорий Корчебников. И создал нужный чертёж. 8 апреля 1770 года Адмиралтейств-коллегия тот чертёж утвердила — стройте!

Судно Корчебникова было даже и не судном, скорее баржей — невысокой, низко сидящей над водой, но широкой, длинной и очень прочной. Всё было рассчитано до мелочи: и вес камня, и как его положить. При погрузке баржа не «капризничала», при перевозке оказалась устойчивой. Правда, одну загадочку загадала: как грузить камень?

По всем расчётам получалось, что оставь судно на плаву — камень его непременно утопит! Накренит, влезая, подомнёт под себя и утопит.

Начальником на это необычное судно был назначен толковый морской офицер капитан-лейтенант Яков Лавров. Долго обсуждал он с такелажмейстером Матвеем Михайловым, как к скале подступиться, и решили они судно... затопить. Потом уже на него, затопленное, скалу грузить. А после откачать воду, судно всплывёт — и поплыли!

Так и сделали. Всего в один день управились. 28 августа 1770 года Яков Лавров уже сообщал в Адмиралтейств-коллегию: «Большой камень положен благополучно, безо всякого оному судну повреждения».

Оставалось пересечь водную гладь залива. По бокам к барже встали два судна, распустили свои паруса, поймали ветер и потихоньку тронулись. Прошли заливом, свернули в Малую Невку, оттуда —

в Большую Неву, миновали Петропавловскую крепость, Зимний дворец, Адмиралтейство — и прибыли.

Тысячи петербуржцев собрались 26 сентября 1770 года на берегу Невы, чтобы увидеть, как будут выгружать «Гром-камень». Наблюдала с балкона за прибытием камня-великана и императрица Екатерина II. Ещё раньше повелела она в честь трудов небывалых выбить медаль. На одной стороне её был изображён «Гром-камень», на другой надпись сделана: «Дерзновению подобно. Генваря, 20. 1770».

На этом можно бы и закончить историю «Гром-камня». Стал он пьедесталом одного из лучших памятников мира. Да уж больно любопытна история одного из его «осколочков»...

Пока «Гром-камень» выкапывали, по лесной просеке тянули, каменотёсы уже стучали по нему молотками да зубилами: убрали лишние куски. И всё же, когда скалу доставили на место, выяснилось, что для памятника потребуется только её часть. Другую же часть откололи. Осталась она лежать вблизи будущего монумента. Подступала пора торжества устраивать, открывать памятник, а тут рядом «осколочек» серой глыбой громоздится, мешает. Убрать его надо!

Контора строений объявила: все желающие могут взять подряд на уборку камня. Несколько иностранцев тут же откликнулись, огромных денег за вывозку запросили! Оно и верно: тяжеловат «осколочек»!.. Сколько людей нанять придётся, лошадей!..

Но тут явился в контору неприметный мужичок. Поклонился низко и сказал, что готов тот многотонный камень убрать.

— Много ли в твоей артели работников-то? — поинтересовались в конторе.

— Немного, — ответил мужичок. — Сам я, сын мсй да лошадь.

То-то смеху в конторе было! Шутки ради и выдали мужичку разрешение.

А он и впрямь на следующее утро к камню приехал. Обошёл глыбу несколько раз, лопатой рядом с нею на земле круг начертил, поплевал на ладони да и принялся копать. Кидаёт в телегу за лопатой лопату, сынишка вырытую землю к Неве отвозит, выбрасывает.

Не так уж много и дней прошло — возле камня глубокая яма выросла. Мужичок начал потихоньку под глыбу подкапываться. И не устоял «осколочек»! На глазах многочисленной «почтенной публики» шевельнулся да и пополз в приготовленную для него «квартиру». Мужичок его, в яме уже, снова землёй закидал, притоптал сверху лаптями для ровности и пошёл в контору деньги за работу получать. Три рубля ему дали.

КОЛОННЫ ИСААКИЯ

С той поры не единожды входили в Неву огромные суда с тяжеленными камнями. Прошло полвека, и в столице начали перестраивать Исаакиевский собор.

На протяжении своей истории был он и деревянным, и каменным, горел, кособочился от наводнений, с места на место переезжал... В 1817 году решено было строить новый Исаакиевский собор — четвёртый по счёту. Архитектором ему назначили француза Огюста Монферрана. Так он собор ловко и красиво на бумаге нарисовал, что царь отдал заезжему рисовальщику предпочтение перед всеми другими архитекторами.

Огромен Исаакиевский собор! Около трёхсот тысяч тонн весит. Целый гектар земли занимает. «Ростом» выше ста одного метра вымахал. Чтобы на самый верх подняться, нужно по лестницам разным 562 ступеньки одолеть. Вместить в себя может сразу 14 тысяч человек. Стало быть, всех своих строителей не вместил бы: за сорок-то лет его 440 тысяч человек строили!

Камня на собор ушло тоже великое множество! Не здание, а музей геологический! По подсчётам академика А. Е. Ферсмана, стены и колонны его сложены из сорока трёх пород минералов! Граниты, русские, итальянские, французские мраморы, малахит, порфир, лазурит!.. Чего только нет!

Но главное могущество придают собору огромные гранитные колонны. Да и встали они тут первыми, раньше стен поднялись.

Родились гигантские колонны в Пютерлакских каменоломнях, что расположились на двух небольших островках под Выборгом. Поначалу островки были просто огромной каменной залежью. Пришли каменоломы. Разметил мастер на залежи примерные размеры столпа-великана — и включились в работу кувалды. Один мастеровой тяжеленный лом держит, двое других по нему молотят. Тяжел был этот труд: через два-три месяца одни от него глохли, у других отнимались руки. Тут же их новыми работниками заменяли.

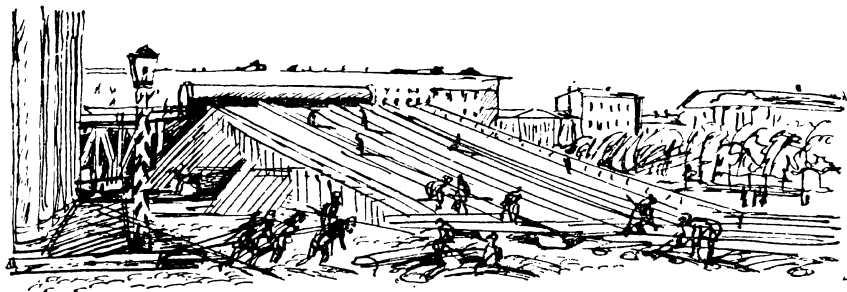
Постепенно вдоль разметки, не очень близко друг от друга, выдалбливались отверстия. В них загоняли клинья. Вновь выстраивалась шеренга молотобойцев и по сигналу, строго в такт, ударяла по клиньям. Раз, другой, третий... До тех пор, пока по гранитной залежи трещина не зазмеится. Трещину постепенно расширяли. Снова загоняли клинья. Включались в работу ворота, именуемые в ту пору кабестанами, и наконец сваливалась огромная глыба на деревянный помост.

Дальше... Сколько ещё было дальше трудов, чтобы превратить кусок дикой скалы в гладко отшлифованную колонну! Пять тысяч рабочих дней на отделку каждой колонны требовалось.

А потом грузили их на трёхмачтовый парусник и везли в Неву, к строительной площадке.

В Петербурге только и разговоров было, что о перевозке да о выгрузке колонн. Один из петербуржцев, наблюдавший выгрузку, писал в то время: «Гений Петра, не удивлявшийся ничему, мог бы с некоторым удивлением наблюдать мужественную смелость, осуществившую добычу, погрузку и перегрузку этих огромных глыб. Эта работа — высший образец человеческого терпения, мощи и знания».

Мощи и знания... Могучие 133-тонные колонны требовали и новой техники. Это они заставили проложить от причала до строительной площадки одну из первых железных дорог России. Появились рельсы, специальные вагонетки. Паровоза ещё не было. Вагонетки толкали вручную.

Первую колонну начали поднимать 20 марта 1828 года. Выка- тили её из специального сарая, подали к лесам, оснащённым специ- альными подъёмными механизмами. Ударил сигнальный колокол — и заскрипели ворота, блоки, лебёдки, подъёмные круги. Поползла, поползла колонна на верхнюю площадку лесов! Потом накренилась и встала между опорными станинами.

Эта первая колонна собора и ныне стоит на том же месте: в во- сточном углу наружного ряда северного портика. Последнюю же, со- рок восьмую колонну, поставили 11 августа 1830 года. Впрочем, не последнюю. Всего-то у Исаакиевского собора колонн 112. Другие хоть и поменьше были, зато и поднимать их приходилось повыше: на 48 метров от земли, туда, где сооружалась главная башня.

Весь просвещённый Петербург дивился мастерству, изобретатель- ности тысяч плотников, каменотёсов, такелажников, маляров. Один из свидетелей постройки не без гордости писал в журнале «Сын Отечества»: «Огромность колонн, простые способы, которые по сек- рету открыла сама природа нашим простым людям... всё оное в этом и во многих других случаях наполняет мою душу каким-то прият- ным чувством, от которого мне кажется, будто я, россиянин, вырос целым вершком выше иностранцев, так что мне нет никакой надоб- ности смотреть на них с подобострастием исподлобья».

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ КОЛОННА

Пока устанавливали 112 колонн Исаакиевского собора, непода- лёку, на Дворцовой площади, встала ещё одна — всем колоннам ко- лонна: «Александрийский столп»!

Ещё после вступления русских войск в Париж в 1814 году было решено соорудить на площади памятник в честь победы над армиями Наполеона. Создать его поручили тому же Огюсту Монферрану.

В один из дней архитектор пришёл на Дворцовую площадь, не раз медленным шагом прошёлся по ней из конца в конец. Что и го- ворить, огромна площадь! Поставь на ней небольшой монумент — так он и незаметен будет, затеряется. Просторы площади требовали памятника крупного, величественного. Да и в повелении царя было сказано: памятник должен представлять собою гранитный обелиск высотой более ста футов.

Конечно, можно было сложить высокую колонну из круглых пу- стотелых блоков. Такую, как колонна Траяна в Риме или Вандом- ская колонна в Париже. Может быть, и Монферран остановился бы на таком решении, не будь он знаком с Пютерлакскими каменолом- нями. Но уже стояли первые колонны Исаакия...

В карьеры каменоломен двадцатилетнему технику-самоучке Ва- силию Яковлеву последовал приказ: отколоть гранитную глыбу ве- сом более двухсот тысяч пудов, длиною метров под тридцать да тол- щиною около семи метров.

Начались работы и в Петербурге. В центре площади выкопали квадратную яму. Заухала, сотрясая площадь, пятидесятипудовая баба, заколачивая под основание будущей колонны 1250 сосновых свай, загоняя их на шестиметровую глубину.

Закладка памятника была назначена на 30 ноября 1830 года. В одном из блоков фундамента выдолбили углубление, поставили в него бронзовую шкатулку со ста пятью медалями и монетами Отечественной войны 1812 года, положили специально отлитую медаль, изображавшую строительство памятника.

Пока сваи били да монумент закладывали, Василий Яковлев на острове Летсарме отколол ещё «камушек» в 25 тысяч пудов (841 тонна) — под пьедестал колонны.

А шестьсот рабочих били и били кувалдами, вгрызались ломами в неподатливую гранитную твердь. Два года ушло на то, чтобы отколоть необходимую для памятника глыбу.

Велик был камушек — 704 тонны весил! Когда его стали грузить на судно, деревянные опоры помоста не выдержали, поддались. Ещё немного — и нырнула бы колонна на дно морское. Да бросились на выручку труда своего рабочие, бросился Василий Яковлев, новыми опорами удержали колонну, в недалёкую Фридрихсгамскую крепость гонца послали, звать солдат на выручку, на подмогу. И солдаты пришли. Не пришли — на крыльях прилетели! В июльскую жару по каменным глыбам 36 вёрст за четыре часа преодолели! И спасли колонну. Уложили стропивую на судно. Три парохода потащили судно в столицу.

Приближался день, когда колонну предстояло поднять и поставить на место. На заводе Берда (ныне Адмиралтейский) были изготовлены специальные кабестаны-лебёдки для намотки канатов. Сами канаты тоже были сплетены специально: каждый состоял из 522 волокон наилучшей пеньки. Лишь одно такое волоконец выдерживало четырёхпудовый груз, а тут их сразу, в одном канате, 522!

Подъём колонны был назначен на 30 августа 1832 года. В семь часов утра с Нарышкинского бастиона ударила пушка, возвестила о том, что в городе праздник, торжество. Сам Монферран вспоминал об этом дне: «Улицы, ведущие к Дворцовой площади, Адмиралтейству и Сенату, были сплошь запружены публикой, привлечённой новизной столь необычного зрелища. Толпа возросла вскоре до таких пределов, что кони, кареты и люди смешались в одно целое. Дома были заполнены людьми до самых крыш. Не оставалось свободным ни одного окна, ни одного выступа, так велик был интерес к памятнику. Полукруглое здание Генерального штаба, напоминавшее в этот день амфитеатры Древнего Рима, вместило более 10 000 человек».

Устанавливали колонну 400 строителей и две тысячи солдат — ветеранов войны с Наполеоном. Руководил всё тот же Яковлев.

Конечно, при такой тяжести колонны всё могло случиться. Монферран сам писал: «В течение 100 минут, пока длилась установка монолита, все с ужасом опасались самой страшной катастрофы. Через 40 минут после начала подъёма монолита на верхушке взметнулся государственный флаг: монолит стал на место».

Так он и стоит по сей день: не вкопан, не врыт, своей тяжестью держится. Вместе с пьедесталом и фигурой ангела сверху шестисоттонный великан вознёсся на высоту 47,5 метра — это крупнейший памятник мира из единого, цельного куска камня.

Володька разозлился:

— Видели мы вчера, как ты его жалел. Свистел в четыре пальца! Вот ты, оказывается, какой!

— Какой?

— А такой,— Володька пошевелил пальцами,— такой... извилистый человек.

— Ладно, хватит,— вмешался Таир.— От дальнейшей жеребёвки мы тебя, Родька, отстраняем.

Таир взял две спички, отломал у одной кусочек, зажал в кулаке.

— Тяни, Володька,— сказал он.

—

Продолжение. Начало в «Искорке» № 4.

Володька потащил и вынул коротенькую спичку. Он поглядел на Таира, смущённо пожал плечами.

— Всё честно,— сказал Таир.— Значит, ты сегодняходишь на арену.

Вечером цирк был снова переполнен. Мальчишки сидели на том же месте, что и вчера, но почти не видели представления. Они ёрзали от нетерпения, они ждали выхода клоуна с ишачком. За полчаса до этого коронного номера Таир вскочил, пробрался к выходу и выскользнул из цирка. Володька изо всех сил сжимал кулаки, его колотила нервная дрожь.

«Успеет или не успеет? Успеет или не успеет?» — без-

звучно шептал он. Вот окончился предпоследний номер, вот сейчас выйдет клоун... И в это время запыхавшийся Таир плюхнулся рядом.

— В порядке! — выдохнул он.

Вышел клоун, втащил за собой упирающегося ишачка, поправил ему залихватскую соломенную шляпу, вынул будильник, коробку конфет и прокричал слово в слово то же самое, что и вчера. Ряду этак в десятом поднялся здоровенный парень, стал пробираться к манежу. Володька испуганно вскочил и ноги сами собой вынесли его на арену.

Он даже не предполагал, как это страшно очутиться одному в освещенном круге. Лиц зрителей не видно, и кажется, там, в темноте, шевелится кто-то огромный, глазастый, а ты будто голый стоишь перед сотнями глаз.

— Вот смелый молодой человек! Вот отважный джигит! — закричал клоун. — Прощу садиться! Самый смирный из ослов ждет вас! Минута! Всего одна минута — и конфеты ваши.

Володька напряжённо вглядывался в ряды зрителей. Где-то там сидели Таир и Родька, Ленка Бородулина, Мамед по прозвищу Очевидец и ещё десятки знакомых людей. Но прожектора ослепляли, и Володька никого не увидел.

Клоун потянул его за рукав.

— Давай, давай, мальчик, не бойся, — прошептал он, а вслух закричал: — Смертель-

ный номер! Джигитовка на осле! Мазстро! — Он протянул руку к оркестру, и там сухо и тревожно затрещал барабан.

Медленно, как в тягучем, вязком сне, Володька подошёл к ишачку, неуклюже взгромоздился на него и почувствовал, что тот дрожит. Ослик тоже нервничал и боялся.

— Тридцать секунд!.. Сорок!.. Ой, пропали мои конфеты! Пятьдесят! Ой, моя голова! Пятьдесят пять!

Ослик стоял неподвижно и мелко кивал головой. Клоун запнулся, с изумлением уставился на Володьку.

— Пятьдесят шесть! — завопил кто-то, и Володька узнал Родькин голос.

— Пятьдесят семь, — машинально продолжал клоун.

— Пятьдесят восемь! — надрывался Родька.

— Минута... — растерянно и негромко пробормотал клоун.

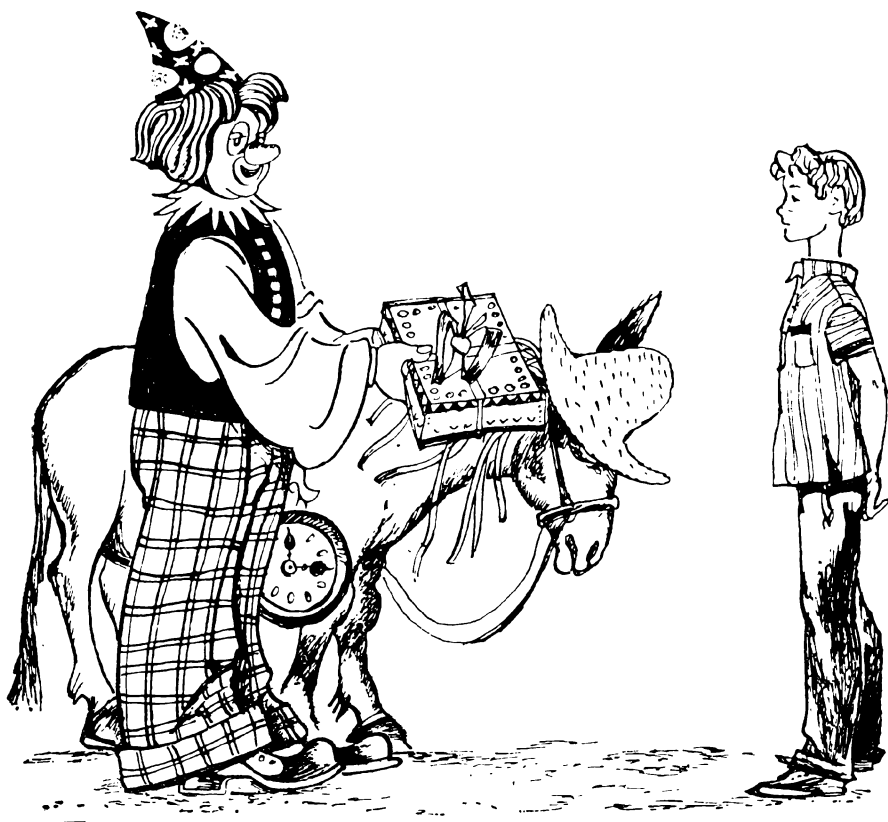
Но в цирке стояла такая тишина, что все услышали.

— Ну и дела, — прошептал клоун, и Володьке стало вдруг жаль его.

Но, видно, клоун был не только отличным артистом, но и настоящим мужчиной. Он взял себя в руки, и голос его прозвучал весело и звонко:

— Гр-р-рандиозно! Этот мальчик — прирождённый дрессировщик! Уж если он мог укротить этого серого лопухого хищника, ему никакие львы и крокодилы не страшны!..

Зрители добродушно посмеивались. Володька слез с ослика. Клоун подошёл и протянул коробку конфет. Но Володька

неожиданно для зрителей, да и для себя тоже, попятился и спрятал руки за спину.

— Бери, бери, разбойник,— тихо проговорил клоун,— ишь чудо-юдо! Заболел, наверное, мой серый.

Клоун насильно сунул коробку Володьке и поволок ослика за кулисы. Представление окончилось. Таир и Родька шумно веселились, какие-то незнакомые люди поздравляли Володьку, хлопали его по плечам, но он молча и сосредоточенно пробирался к выходу.

— Ты чего? — спросил тревожно Таир.

— Ничего. Конфеты надо отдать. Это нечестно. Клоун думает, что осёл заболел. Он тревожится. Сейчас пойду и отдам.

— Сдурел! — возмутился Родька.

— Сам сдурел,— огрызнулся Володька.

Они уже вышли из шатра шапито, когда услышали пронзительные вопли. Двое мальчишек, сцепившись, катались на земле. Один из них был в знакомом джинсовом костюме с фальшивыми латками, а второй... Вторым был тот самый щекастый пижон, над которым

мальчишки подшутили на пляже. Он оседлал обладателя роскошного костюма, тряс его и вопил:

— Отдай, отдай! Вор! Ворюга! Это мой! Мой костюм! — И по щекам его текли слёзы, а лицо было перекошено от злости.

— Псих сумасшедший! — отбивался осёдланный мальчишка. — Слезь с меня немедленно! Я тебе дам за ворюгу! Ненормальный!

Раздвинув толпу, появился милиционер, легко приподнял мальчишек за шиворот, встряхнул и поставил на ноги.

— Хулиганите? — деловито спросил он. — Вы что это тут за цирк подле цирка устроили?

Черноволосый мальчишка попытался объяснить:

— Вот этот сумасшедший, первый раз его вижу, набросился сзади ни за что ни про что!

— Ах, ни за что! Ни про что! — взревел щекастый. — Это чей костюм? — Он ткнул пальцем в грудь противника.

— Как это чей? Мой!

— Нет, мой! Ты его украл! На пляже украл, пока я плавал!

— Ладно, — сказал милиционер, — разберёмся. Пошли.

И повёл мальчишек в милицию. Володька и Таир растерянно переглянулись, искали глазами Родьку. Но Родька исчез.

— Да-а! — протянул Таир. — Не нравится мне всё это. Очень не нравится. Надо срочно найти Родьку, пусть объяснит.

— Ладно, никуда Родька не денется, завтра в школе поговорим. Тут какая-то ошибка или...

— Вот именно — или, — мрачно проворчал Таир.

— Нет, Таирка, быть такого не может. Я знаю, о чём ты думаешь. Не верю. Пойдём скорее, клоуна повидаем! А с Родькой потом.

Таир и Володька шагнули в сторону от ярко освещённого входа в цирк и сразу окунулись в непроглядную темень. Только тускло светились слабые лампочки над крылечками домиков-вагончиков. Они осторожно подошли к одному из них и увидели клоуна. Он стоял рядом с осликом, гладил его, целовал тёплую замшевую морду и горестно бормотал:

— Ну что же ты, Серёжа, Серенький мой! Заболел? Что же с тобой случилось, милый? Эх, такой номер пропал! Столько мы с тобой работали — и всё прахом. Заболел ты, бедняга!

— Да не заболел он, не беспокойтесь, — проговорил Володька и шагнул в жёлтый круг света.

— А, это ты, джигит? — вяло удивился клоун. — Вкусные конфеты?

— Не знаю, не пробовал, — ответил Володька. — Я их обротно принёс.

— Нет уж! Заработал честно — ешь! Просто Серый заболел!

— Никакой это не Серый! И заработал я нечестно. Этого осла Чако зовут! — закричал Володька.

— И-а! И-а! И-а! — трубно подтвердил Чако.

И тут же из темноты, будто эхо, раздалось:

— И-а! И-а! И-а!

И появился Таир. За ним бодро трусил артист Серёжа, серенький двойник ишачка-трудяги Чако.

Ослики стали рядом, Володька снял с Чако соломен-

Вы что ж это, черти полосатые, вы, значит, моего Серого подменили?

— Подменили, — сказал Таир.

— Конфет захотелось?

ную шляпу, а клоун зажмурился и яростно затряс головой.

— Двоится! — прошептал он и открыл глаза. — Точно, двоится!

Серый потянулся к клоуну, лизнул шершавым языком в шею. Чако затрусил к Таиру.

— Погодите, погодите! — клоун хлопнул себя по лбу. —

— Вот ваши конфеты. Забирайте, — ответил Володька.

— Ничего не понимаю! — воскликнул клоун. — Для чего ж вы это всё проделали?

— Дядю Арчила было жалко, — ответил Таир.

— Какого ещё дядю? Не знаю никакого Арчила!

— А кого ваш Серый вчера сбрасывал? Над кем все смеялись? Не знаете? Он же вам сам сказал, мы слышали: я, говорит, Арчил Коберидзе. А он наш друг. Ему обидно.

— Но ведь это же шутка! Это старый цирковой трюк. Ребёнку понятно, — закричал клоун.

— Нам-то понятно. — Таир грустно улыбнулся. — А дяде Арчилу обидно. Он целый день

никого брить не мог. У него от обиды рука дрожала.

— Да-а, дела! — Клоун задумался. — Значит, он парикмахер? Ладно! Завтра же пойду к нему и извинюсь. Видно, это хороший человек, если у него такие верные друзья.

— Только вы поосторожнее, — предупредил Володька, — вы сперва извинитесь, а потом уж брейтесь. Дядя Арчил ужас какой горячий человек. Забирайте конфеты. Нам домой пора.

— Нет уж, — твёрдо сказал клоун, — вы их заработали честно. И многому меня научили. Может быть, и пора уже менять старые трюки. Особенно если из-за них хорошим людям обидно.

Глава седьмая

ПЕЩЕРА

На следующий день весь шестой «а» лакомился конфетами. А на Володьку приходили глядеть, как на чудо, из всех классов — от первого до восьмого. Тяжкое бремя славы легло на Володькины плечи. Поначалу он смущался, потом развеселился и очень серьёзно стал рассказывать о своих необычных способностях.

— Я, — говорил он, — его за- гипнотизировал. Я ему мысленные приказы передавал.

— Ой! — пугались девочки. — Значит, ты гипнотизёр?

— Ага! Я, наверное, и учиться брошу — в цирк пойду. Раз у меня такие неслыханные способности.

— Врёшь ты всё, — робко заявила Ленка Бородулина.

— Ах, так! — зловеще прошептал Володька. — Сейчас, сейчас... Сделаю тебя черепахой... Сейчас узнаешь...

Ленка вдруг застыла, лицо её стало таким испуганным, что Володька даже растерялся на миг. Потом он расхохотался. Ленка ткнула его острым локтем в бок и выбежала из класса.

Таир в этих Володькиных развлечениях участия не принимал. Он ходил мрачный и всё высматривал — не появился ли Родька. Странная сцена, разыгравшаяся у выхода из цирка, не давала ему покоя. Но Родьки всё не было. И только на следующий день выяснилось, что родители увезли его в Баку удалять гланды.

Несколько дней Родька пролежал в больнице. И как раз в эти дни пропал любимый Володькин щенок Филимон. Ещё утром Володька играл с ним, а когда вернулся из школы, Филимона и след простыл. Сперва ни Володька, ни Таир не беспокоились: характер у Филимона был независимый и он частенько отправлялся разгуливать по городу, но к вечеру возвращался обязательно.

На этот раз Филимон не вернулся. Три дня Таир и Володька прочёсывали город, спрашивали прохожих, по очереди звали Филимона и прислушивались — не отзовется ли? Всё было тщетно. Володька осунулся за эти дни, глаза его запали и неестественно блеснули. А на четвёртый день, когда уже не сомневались, что Филимон пропал окончательно

и только один Володька не желал этому верить, Филимон явился.

Был он взъерошенный и решительный, на шее его болтался обрывок верёвки, а хвост вилял победно и радостно. Захлёбываясь лаем, он бросился к Володьке, тот подхватил его на руки, и Филимон мгновенно облизал своему хозяину лицо. Обычно такие телячьи нежности Володькой не допускались, но в тот миг он был так счастлив, что позволял Фильке всё. Он сам целовал щенка в холодный влажный нос и приговаривал:

— Филька мой, Филимон, Филимон, Филимоша...

Володькина мама принесла бульон и куриную ногу. Филимон с такой жадностью набросился на еду, что стало ясно: пёс не ел несколько дней.

— Да какой же это злодей

тебя голодом морил, псина ты моя милая! — возмутилась мама.

— Гляди, Володька, — сказал Таир, — видал, как конец верёвки замусолен? Она не оборвана, Филимон её перегрыз.

— Вот бы найти этого гада, который Фильку мучил! Я не я буду, если не найду!

— А что?! — загорелся Таир. — И найдём! Нас Филька отведёт.

— Мальчики, может, подождёте, пока отец с моря придёт? — сказала мама. — Наверняка тот, кто морил Фильку голодом, человек плохой.

— Да что мы, в лесу живём? Не бойся ты, пожалуйста!

— Филька! Вперёд! Веди! — закричал Таир, и Филимон бойко побежал, поминутно оглядываясь на мальчишек.

Миновали одну улицу, другую, свернули в заросший травой окраинный переулочок. В конце переулочка дома кончались, узкая извилистая тропка вела в горы. Таир и Володька недоуменно переглянулись, но Филимон с прежней уверенностью бежал вперёд. Ребята припустили за ним. Тропинка петляла, змеилась, но упорно вела всё выше в горы. Начался голубой грабовый лес. Голубым он был оттого, что стволы деревьев обросли густым синеватым мхом. Только на грабах бывает такой мох. Филимон вдруг свернул с тропинки, и мальчишкам пришлось продирааться сквозь густые кусты орешника.

— Куда это он нас завёл? — спросил Таир.

Володька только плечами пожал. Ребята были мокрые от пота, исцарапанные; они тяжело дышали, но упрямо продолжали ломиться сквозь густые переплетения гибких веток. Неожиданно орешник кончился, и мальчишки выскочили на небольшую полянку, покрытую высокой, сочной травой. Полянка упиралась в отвесный склон горы, и в этом склоне зияла треугольная дыра.

— Вот это да! — прошептал Володька. — Пещера!

Рядом с входом в пещеру чернел след от костра, чуть поодаль в землю был вбит кол, а к нему привязана верёвка. Филимон уселся рядом с колом и уставился в лицо Володьки своими умными и преданными глазами.

— Видал? — Таир подошёл, поднял замусоленный конец верёвки. — Вот здесь его кто-то и привязал.

— Зачем только ему это понадобилось? Непонятно.

Мальчишки говорили шёпотом. Было жутковато. Глухая тишина висела над поляной, и ребятам казалось, что из чёрной дыры пещеры за ними наблюдают внимательные, холодные глаза. Филимон вдруг вскочил и неторопливо вбежал в пещеру. Через малое время он выскочил оттуда и уселся перед входом — одно ухо торчком, другое, как тряпчонное, болтается и голова набок, — загляденье!

— Не лаял! — сказал Володька.

— Пусто там. Никого нет. Пойдём поглядим? — предложил Таир.

— Пошли!

Мальчишки осторожно протиснулись сквозь дыру входа и замерли. После яркого, блистающего зелёными, голубыми, красками дня, пещера, казалось, была залита до краёв непроглядным мраком. Таир первым сообразил, что они заслоняют собой вход.

— Давай руку, Володька, — сказал он, — отходи в сторону, пусть свет войдёт.

Глаза постепенно привыкли к сумраку пещеры, и ребята рассмотрели её всю. Потом обстоятельно измерили. Пещера была невелика — восемь шагов в длину, шесть в ширину, зато свода её разглядеть было невозможно. У стенки напротив входа лежала груда веток с пожелтевшими уже листьями. Очевидно, кто-то спал на них. Больше ничего в пещере не было, если не считать многочисленных окурков, разбросанных по каменному полу.

— Необитаемой пещеры не получилось, — Володька усмехнулся. — Хозяин был, но куда-то ушёл или переселился.

— Что же он, гад, Фильку не отвязал? Псина ведь погибнуть могла!

— Может, просто не успел?

— А может, он вот-вот явится? — Таир был очень серьёзен. — Знаешь, Володька, давай-ка сматываться отсюда. Через пару дней придём по-

глядим. Тогда и решим, что с нашей находкой делать. Про эту пещеру, наверное, никто и не знает.

— Кроме того, кто в ней спал и курил.— Володька усмехнулся.

— Может, это давно было,— не сдавался Таир.

— Нет, недавно. Не позже чем три дня назад. Ты что забыл, когда Филька пропал?

— Верно,— протянул Таир. Он задумался, потом решительно тряхнул головой.— Всё равно! Если здесь кто и жи-

вёт, надо на него поглядеть: что это за тип, который чужих собак ворует, да ещё голодом их морит.

О СВОЕЙ находке мальчишки не рассказывали никому. И только когда в классе появился Родька, всё такой же улыбающийся, добродушный и красивый, Володька и Таир открыли ему свою тайну. Володьку поразило, как мгновенно изменилось Родькино лицо. Он побледнел, глаза сделались жёсткими, зрачки сузились, стали размером с булавочную головку.

— Как вы её нашли? — резко спросил он.

Таир и Володька переглянулись.

— Так ты, значит, знал про пещеру? — спросил Таир.

На мгновение Родька смутился, но тут же ясными глазами оглядел приятелей:

— Да откуда ж мне знать! Просто интересно.

— Темнишь ты что-то,— подозрительно сказал Таир.— И вообще... скажи-ка, что это за дурацкую сцену мы видели у выхода из цирка? И куда ты исчез?

— Никуда я не исчезал,— спокойно ответил Родька,— нас толпа растащила в разные стороны. Я тогда сразу понял, в чём дело. Этот щекастый, видно, большой жук. Он, наверное, кому-нибудь дал свою джинсу, чтобы тот продал тому парню. Денежки поделили, а потом решили костюм отобрать,— поди докажи, что он неворованный! Жулики!

Таир и Володька оторопели. Слишком уж замысловатым казалось им Родькино объяснение. Просто в голове не укладывалось, что может быть такое.

— Ерунда какая-то,— сказал Володька.

— Чего же ты молчал, не вмешался? — спросил Таир.

— Чудила! — Родька снисходительно улыбнулся. — Я же только предполагаю. А вдруг всё не так.

— Ну и что? Мог же ты рассказать, как мы подшутили на пляже, а потом ты сам, лично, отдал этот несчастный костюм,— не унимался Таир.

— А если он жулик? Что получается? А то: вместе брали, вместе закапывали, вместе прятали. Сказал бы он, что я ничего ему не отдавал, и никто бы вашим словам не поверил. Вышло бы, что не он, а мы все трое жулики.

Родька говорил напористо и убедительно. Таир и Володька растерянно молчали. Нельзя сказать, что Родька убедил их. Нельзя сказать, что они испугались... И всё же. Всё же какая-то смутная тревога охватила мальчишек. У Володьки противно сосало под ложечкой, он глядел на Родьку, и тот вдруг показался ему ни капельки ни симпатичным, даром что обаяние и добродушная улыбка, всё это куда-то исчезло, лицо Родькино сделалось напряжённым и злым.

— Всё это странно и противно,— проговорил Володька.

— Вот что,— решительно

сказал Таир.— В этом деле надо разобраться. А потому необходимо разыскать этого щекастого.

— Правильно! — закричал Родька.— Верно! Найдём и всё выясним. Не отвертится.— Он обрадовался, заулыбался и снова стал прежним Родькой — весёлым и добродушным парнем.

Но оказалось, что не так-то просто даже в небольшом городе отыскать человека, если не знаешь ни имени его, ни фамилии. Разве что случайно встретишь. Но щекастый не попадался на глаза, он как в воду канул. Несколько дней, сразу после школы, мальчишки бродили по пляжу, без устали сновали по главной улице города, вглядываясь в лица прохожих,— всё без толку.

— Асфальт полируем,— посмеивался Родька,— ноги гудят, как чугунные.

— Ну его к монахам,— разозлился наконец Володька,— мы из-за этого типа нахватаем пар полные дневники. Я уже третий день уроков не делаю.

— И я! — подхватил Родька.

— Ладно,— решил Таир,— никуда он не денется. Всё равно когда-нибудь встретим. Случайно.

И они встретили. Но не щекастого пижона, а того худенького парнишку, на которого щекастый напал тогда у цирка. И встретили неподалёку от школы.

— Стой! — закричал Таир.— Погоди! Поговорить надо.

Мальчишка остановился. Хмуро оглядел по очереди тро-

их приятелей. Одет он был в обычную школьную форму.

— Чего вам? — спросил он.

— Слушай, мы видели, как тебя и ещё одного милиционер увёл. Ну у цирка, помнишь?

— Ещё бы не помнить! — Мальчишка сердито фыркнул. — А вам-то какое до этого дело?

— Да брось ты злиться. Мы тебе помочь хотим, понимаешь? — сказал Володька.

— В чём помочь?

— А в том! Где твой джинсовый костюм? — спросил Таир.

Мальчишка дёрнулся, будто его ударили.

— И ты туда же?! — заорал

он. — Идите вы все к чёрту с этим проклятым костюмом!

— Не ори, — приказал Таир. — Говори толком. Мы тебе действительно можем помочь. Рассказывай всё по порядку.

Мальчишка внезапно сник. Исполобья поглядел на серьёзное лицо Таира, нехотя заговорил:

— Чего там рассказывать — костюм этот зорованный оказался. Его у того парня спёрли на пляже. А я-то откуда знал? Мне его предложили купить, я продавца этого домой отвёл. Маме костюм тоже понравился. Купили. Шестьдесят рублей заплатили. Только и поносить успел четыре дня. А потом

этот парень налетел. Милиция, крики, родителей наших вызвали. Мать и отец того парня — его Славкой зовут — подтвердили, что он не врёт, его это костюм, обворовали его на пляже. — Мальчишка помолчал немного, грустно улынулся. — Славкина мать красную тряпку принесла, из которой фальшивые латки вырезала. Всё точно, без обмана.

— Ну а дальше? — спросил Володька.

— Ясное дело что! Пришлось отдать костюм. Славка его в охапку, и тью-тью мой костюмчик — укатил!

— Куда укатил, говори ты толком! — закричал Таир.

— Не знаю, — равнодушно ответил парнишка. — В Ленкорань или в Баку, не знаю. Славка-то нездешний. Он с родителями на несколько дней приезжал.

— Вот так номер! — Родька весело захохотал. — А продавец-то какой из себя?

— Взрослый уже парень, лет семнадцать ему, восемнадцать, невысокий такой, квадратный.

— Что я говорил? — ликовал Родька. — Жулики! Этот Славка и продавец — одна шайка-лейка. Надули тебя, парень!

— Ты-то чему радуешься? — разозлился парень. — Никуда этот продавец от меня не денется! Я его, кривоногого, за километр узнаю.

Они распрощались с парнем, у Родьки оказалось какое-то срочное дело, и Таир с Володькой остались одни.

— А Родька-то оказался прав. Я б до такого в жизни не додумался! А этот-то щекастый, ну и подлая рожа!

— Да, — кивнул Таир. — Прав. И это очень хорошо. Нет, не то! Ничего, конечно, хорошего во всей этой истории нету, но я... — Таир запнулся, быстро вскинул на Володьку глаза. — Я ведь знаешь о чём думал? Я ведь подумал, что Родька костюм хозяину не вернул.

Таир и Володька сосредоточенно глядели друг на друга, довольно долго молчали. Потом Володька опустил глаза, тихо произнёс:

— Я тоже. Только говорить было неловко. Больно уж всё это... — Володька сделал неопределённый жест, лицо его брезгливо сморщилось.

— Это точно! — буркнул Таир.

И больше они об этой истории не говорили.

Глава восьмая

КУБИК

Всю дорогу до пещеры Родька бежал. Он стоял у входа и никак не мог отдышаться. Родька заглянул в пещеру, Кубика не было. Он поковырял прутиком кострище — пепел слежавшийся, старый — значит, костёр жгли давно. Родька поднял несколько окурков — тоже старые, пожелтевшие от утренних рос.

Сзади негромко хрустнуло. Родька быстро оглянулся и увидел Кубика. Тот стоял полускрытый ветвями орешника и внимательно ощупывал

взглядом поляну. Подошёл. Глаза колючие, подозрительные, спросил:

— Один?

— Один.

— Зачем пацанам показал пещеру?

— Я не показывал. Их Филимон привёл.

Кубик ещё больше насторожился:

— Какой ещё Филимон?!

— Такой — с хвостом. Которого ты на привязи держал. Зачем тебе шенок-то понадобился? Чуть не заморил пса голодом.

— Смеёшься, гаденыш! — прошипел Кубик. — Самому жрать было нечего, орехами питался. Ты скажи, где ты пропадал? Три дня тебя ждал не жрамши!

— В Баку я был, — спокойно ответил Родька. — Гланды вырезали. Четыре дня в больнице пролежал.

— А потом?

— Потом пижона того искали, чей костюм ты так здорово продал. Дурак ты всё-таки, Кубик! В этом городишке каждый человек на виду. Не мог в другом покупателя найти?

— Помалкивай! Встретили?

— Уехал. Нездешний он. На моё счастье. Таир с Володькой от меня ни на шаг не отходили. А если бы нашли? Нет, ты всё-таки дурак, Кубик!

— Полайся у меня. — Кубик замахнулся. — Отчего шум? Зачем искали-то?

Родька подробно всё рассказал.

— Невезуха, — пробормотал

Кубик. — Надо же им было встретиться!

Родька злорадно улыбнулся.

— А этот покупатель здорово тебя описал: маленький такой, говорит, квадратный и кривоногий.

— А ты-то чего скалишься?

— Я ничего. Только придёт-ся тебе отсюда валить. В городе теперь не покажешься.

— Ну уж дудки! Здесь безопаснее всего. До холодов поживу. Потом денег добудем и рванём с тобой куда-нибудь в Сочи. Или в Крым. Лафа!

Родька отвернулся.

— Не знаю... — пробормотал он, — не знаю.

— Ты что же это — на попятный? — Кубик схватил Родьку длинной своей клешнейстой рукой за плечо, повернул к себе.

— Не знаю... Зря я с тобой связался, Кубик, — тихо ответил Родька, — у мамы после той истории сердце стало болеть. Отец работу, квартиру бросил, сюда перевёлся из-за меня. И ребята здесь подходящие.

— Эх ты! — Кубик презрительно сплюнул. — Маленький сыночек! Нюни распустил — ребята, мамочка, папочка! А кто клялся — верность до гроба?! Кого я в колонии от тёмной спас?

— Ну ты, — вяло отозвался Родька.

— То-то же! Что ты себя с этими мальками, салажатами равняешь! Ты же настоящей жизни хлебнул! Ты же отчаянный, Садись, закурим.

Кубик уселся на траву, вытащил сигареты, протянул Родьке. Закурили. Кубик о чём-то сосредоточенно думал.

— Вот что,— сказал он,— надо этих твоих шкетов покрепче привязать. Они и так уже на крючке — костюмчик-то вместе брали. Есть у меня идея. Слушай.

Кубик обнял Родьку за плечи и долго, подробно растолковывал ему свой план. Родька слушал. Тошно ему было и безнадёжно. Одно он понимал: просто так Кубик от него не отвяжется. «Ну зачем, зачем я, дубина, рассказал ему, куда мы переезжаем? Он никогда бы меня не нашёл!»

А Кубик всё говорил и говорил. Родька глядел ему в переносицу, на мясистый пористый нос, на красные быстро шевелящиеся губы, и ему казалось, что слова исходят не изо рта Кубика, а откуда-то со стороны и вливаются в него, как отрава — вязкая, липкая.

— Понял? Всё усёк? — спросил Кубик и встал.

Родька кивнул.

— И обо мне пока ни слова малькам! Завтра жратвы принеси. Оставишь не в пещере, а здесь, в кустах.

— У тебя же деньги есть. Купил бы,— осторожно отозвался Родька.

— То деньги наши общие, святые, на дело,— торжественно проговорил Кубик.

Родька молча повернулся и понуро пошёл прочь. «Святые!» — усмехнулся он про себя. — Мне сказал, что за сорок

рублей костюм продал, а папень говорил — за шестьдесят».

— Но гляди, Халва, без фокусов,— крикнул Кубик. — Ты меня знаешь! Мне терять нечего!

Ярость захлестнула Родьку. Он так резко обернулся, что чуть не упал. Зубы его оскалились, лицо перекошилось.

— Ну ты, Кубик поганый! — зловещим фальцетом выкрикнул он. — Если ты ещё хоть раз... если ты ещё хоть разочек назовёшь меня Халвой... — Родька задыхался от бешенства, — или станешь грозить — гляди! Ты меня тоже знаешь!

На мгновение Кубик растерялся. Но он быстро пришёл в себя, ласково улыбнулся:

— Ну порох! Ну даёшь! Я ж пошутил! Я ж на Кубика не обижаюсь, а чем Халва хуже? Ну-ну, не буду, ей-богу, не буду! Не злись. Скорей приходи.

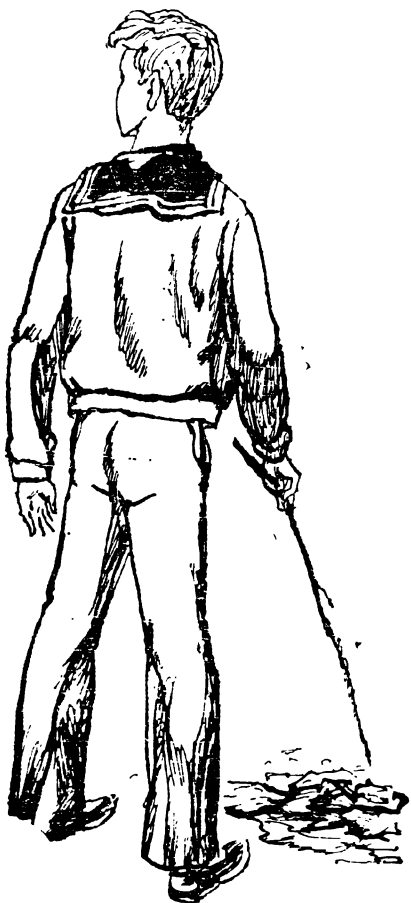
Родька двинулся дальше. Во рту был противный вкус, будто он сосал позеленевший пятак.

«Халва! — шептал Родька. — Чтоб она пропала во всём мире, эта халва!» Он медленно шёл вниз по тропинке. Сквозь редкие, голубые стволы грабов виднелся город, весь в зелени садов, с белыми, будто сложенными из кусочков сахара-ра-

финада, домами, а дальше, до самого горизонта, застыла густая синь Каспийского моря.

Потом всё сделалось расплывчатым, неясным. Родька сошёл с тропинки, сел на землю, прислонившись к стволу дерева, закрыл глаза. И замельтешили картинки, будто какой-то сумасшедший кинемеханик склеивал кадры ленты, как попало, путая конец, середину, начало...

Вот он, Виталька, тогда ещё не Халва, не Родька, летит вдоль берега замёрзшей широкой реки Лиелупа на самодельном буере. Рядом отец — сильный, весёлый. Шкот паруса намотан на руку в дублёной жёлтой рукавице, вторая рука на румпеле. Виталька сидит между отцовских колен, ему страшно и весело. Скорость приличная. Летит бueur на трёх коньках-полозах, встречный ветер выжимает слёзы из глаз. Всё лето и осень возились они с отцом в сарае, строгали, пилили, шили парус, прилаживали оснастку... Пожалуй, не было в его, Виталькиной, жизни поры счастливее. Чему он только не научился за те месяцы! Управляться с рубанком, сверлом, обтачивать напильником зажатые в тисках стальные пластины полозьев, подрубать грубую парусину здоровенной матросской иглой, орудовать молотком и отвёрткой. Научился распознавать и ценить разные сорта древесины. Липу — на полозья, она легко принимает любую форму, не колется. Рябину на рукоятки молотков — пружинит, никогда не

отобьёт руки при ударе. Научился шкуркой наждачной бумаги и осколком стекла полировать высушенный до звона, ровный ствол сосенки — будущую мачту.

Да разве всё перечислишь! Они с отцом ходили счастливые, с пахучими стружками в волосах, в штанах, закапанных варом, с твёрдыми мозолями на ладонях. А потом случилась беда. Лиелупа — река коварная, течение сильное, упругое, вода вихрится воронками, и потому отец никогда не выезжал на середину, держался только вдоль берега — здесь лёд был надежнее.

И всё-таки промоина подстергла их. Случилось это мгновенно. Буер резко клюнул передним полозом, и сидящий впереди Виталька мгновенно очутился по шею в ледяной воде. Отец успел вскочить, выдернуть Витальку из воды, отшвырнуть в сторону, на крепкий лёд и, оттолкнувшись от деревянной рамы, выскочить сам. Буер весь ушёл под воду и встал, упёршись мачтой в кромку льда. Парус яростно трепетал на ветру.

Всё это произошло в считанные секунды. Отец подбежал к Витальке, схватил за руку, и они побежали со всех ног к берегу. Прячась от ветра за стенкой запертой будки лодочной станции, отец сорвал с Витальки мокрое пальто, валенки полные воды, снял с себя полушубок, укутал сына с головой, подхватил на руки и побежал.

Когда они ввалились в дом, отец дышал как запалённый конь — километра два он бежал изо всех сил. Мамы не было, она уехала в командировку. Отец раздел Витальку, растёр его водкой, обдирая жесткой ладонью кожу, укутал в одеяло, напоил горячим чаем с малиновым вареньем. В общем, сделал всё что мог. И всё-таки Виталька заболел. На него навалилось сразу несколько болезней — ангина, бронхит, крупозное воспаление лёгких.

Витальке несчётное число раз делали разные уколы, он покорно глотал таблетки, и когда бы ни приходил в себя после горячего полусна-полузабытья, он видел перед собой почерневшее от бессонницы и горя лицо отца.

Потом отца сменила мама. Поправлялся Виталька медленно и трудно. Но выкарабкался. Отца словно подменили. Он стал тихий, пришибленный какой-то. Виталька однажды слышал, как мать говорила ему:

— Ну что ты казнишься! Ну случилось несчастье, с кем не бывает! Кончилось ведь всё хорошо. Ты погляди на себя — тень, а не человек.

— Да-да... Я ничего, ты не волнуйся, — бормотал отец.

До конца учебного года оставался месяц, полторы четверти проболел Виталька, безнадежно отстал. На семейном совете было решено пропустить учебный год, отдохнуть как следует, набраться сил. Витальке

снова предстояло идти в пятый класс. Но пятый класс ему довелось кончать в колонии для малолетних правонарушителей...

Родька очнулся от своих видений, сорвал травинку, пожевал — горькая. Сплюнул. И снова стал вспоминать.

Глава девятая ДВАДЦАТЬ ОДНО

В тот год весна пришла рано. Было очень тепло, и в Юрмалу хлынули отдыхающие. Майори, Дзинтари, Дубулты наводнили весёлые, пёстрые толпы приезжих. Виталькины сверстники ещё учились, и он целыми днями одиноко бродил вдоль Рижского залива по желтоватому плотному песку пляжа, бесконечной крутой дугой отдаляющего Юрмалу от моря. Искал в зелёных валиках выброшенных морем водорослей жёлтые кусочки янтаря — солнечного камня. В этой окаменевшей древней смоле попадались удивительные вещи. Виталька больше всего дорожил зеленоватым прозрачным янтарём, внутри которого застыл доисторический комарик. Он отполировал находку и постоянно носил в кармане. Камень был тёплый, словно живой.

Когда он познакомился с Кубиком и его компанией, всё переменилось. Вернее, «познакомился» не то слово, знал он этого Кубика давно, знал и побаивался. Водился Кубик с местной шпаной, из седьмого класса его выгнали, и два года он где-то пропадал. Поговари-

вали, что Кубик побывал в колонии, и в ореоле этих слухов кривоногий, плотный коротышка Кубик (его ещё звали «Кубик на колёсах») казался фигурой таинственной, опасной и романтической.

Он верховодил шумной, нахальной компанией мальчишек, вечно жевал жвачку, выменянную у иностранных туристов, прилично играл на гитаре и очень ловко метал большой складной нож. Без промаха попадал в ствол дерева шагов с пятнадцати. Компания Кубика задирала прохожих, распевала под гитару, резалась в карты на пляже и побаивалась одного только человека — участкового Юргиса Калныня. Неторопливый, медлительный Калнынь отбирал карты, спокойно рвал их в клочки говорил одно слово:

— Уймись!

Кубик угодливо улыбался, давал всяческие обещания, но униматься и не собирался. Когда Калнынь отходил, лицо Кубика перекашивалось от злости и он шипел вслед:

— Мент проклятый! Погоди у меня, доходишься! — И длинно цвикал слюной сквозь зубы. На Витальку ни Кубик, ни его дружки не обращали внимания, не снисходили.

Но за время болезни Виталька здорово повзрослел и вытянулся, он стал выше Кубика на полголовы и свято уверовал в истину, вычитанную в какой-то книжке. Там герой говорит, что когда человек ходит, то растёт в одну сторону, а когда лежит, то в две. Ви-

талька отлежал два с половиной месяца и блестяще подтвердил эту теорию.

Однажды он шёл вырезать себе удилице и в зарослях над пляжем наткнулся на компанию Кубика. Они сидели в кружок, играли в карты. На траве лежали деньги. Кубик увидел Витальку, затянулся сигаретой, выпустил красивое кольцо дыма.

— Ну что бродишь, утопленник? — весело сказал он. — Садись с нами, метни карту.

Виталька смущённо улыбнулся.

— Не умею, — сказал он.

— Садись, научим, плёвое дело, — ответил Кубик. — Деньги есть?

Виталька запустил руку в карман, нащупал рубль, позвонил мелочью. Научиться играть в двадцать одно очко оказалось нетрудно. И тут неожиданно для самого Витальки выяснилось, что он человек очень азартный. Ощущение, когда он брал карту, складывал очки, было настолько острым и необычным, что у Витальки руки дрожали. И не от жадности, нет, от возбуждения. Он с таким же азартом играл бы на спички или на щелчки, но здесь играли на деньги, и Виталька свой рубль с мелочью просадил очень быстро.

— Всё? — спросил Кубик. — Пусто? Отвали. — И снова стал сдавать карты. Витальку он уже не замечал. А у того просто руки чесались ещё разок испытать свою удачу.

— Сейчас, сейчас, — прого-

ворил он, — сейчас принесу, только домой сбегаю.

— Во! Это по-нашему! А ты, оказывается; заводной! — похвалил Кубик. — Возвращайся быстрее.

Виталька кинулся домой, открыл жестяную коробку из-под леденцов, где хранил все свои накопленные на спиннинг деньги — двенадцать рублей восьмьдесят копеек, зажал их в потном кулаке и побежал обратно. Когда он вернулся, в кустах чинилась расправа. Кубик сидел верхом на груди длинного сутулого мальчишки по имени Валдас и методично отвечивал ему пощёчины. Валдас ревел, но не сопротивлялся.

— Не садись без денег, не садись! — приговаривал Кубик. — На холяву проехаться хочешь! Не садись!

Остальные равнодушно наблюдали за расправой. Потом он спокойно слез с Валдаса, сказал:

— Поехали дальше. — И он стал сдавать карты.

Валдас встал, шмыгнул носом, размазал по своей длинной унылой физиономии слёзы и уселся рядом с Кубиком. Тот покосился на него, но промолчал. Потом заметил Витальку. Обрадовался:

— А-а-а! Пришёл? Садись, садись, дорогой! Бери картинку.

Везло в тот день Витальке необычайно. Через час он выиграл двадцать три рубля. Двенадцать восьмьдесят плюс двадцать три! Неслыханная сумма денег шуршала в его кар-

манах. Но он всё ещё не верил, что это всерьёз.

— Ребята,— сказал он сконфуженно,— не надо мне. Вы заберите, кто сколько проиграл.

— Чего-о? — Кубик вылупил глаза.— Шутки шутить?! Ты у меня гляди! Карточный долг — долг чести. Запомни!

Три дня не ходил Виталька к Кубику. Дурные деньги жгли карманы. Но так тянуло, так тянуло снова испытать остроту риска и сладость удачи, победы. И он снова пошёл. И проиграл всё до копейки. Кубик охотно дал в долг. Через неделю Виталька не мог спать от ужаса, метался и не находил выхода: он должен Кубику тридцать два рубля. И достать их было негде.

В воскресенье отец с мамой уехали в Ригу. Виталька сидел дома один. Пришёл Кубик.

— Айда на пляж,— пригласил он.

— Слушай, Кубик, у меня... у меня денег нет, не могу я долг отдать.

— А-а, делов-то! — беспечно отмахнулся Кубик.— Отработашь.

— Как?

— Пойдём на пляж — покажу.

Кубик долго бродил по пляжу. Беспечно посвистывал, курил, бесцеремонно перешагивал через распластанные на тёплом песке тела. Он что-то высмотрел, подошёл к своей молчаливой компании.

— Ты,— ткнул он пальцем в грудь Витальке,— и ты,— в

грудь Валдаса,— пошли. Бороться будете. Погляжу, кто кого. Матч века: Утопленник с Фитилём.

Он бесцеремонно схватил Витальку за руку, протащил вперёд. Виталька ничего не понимал. Валдас покорно плёлся сзади, загребал косопальцами ногами песок. Кубик подтолкнул его к Витальке.

— Давай,— приказал он.

И неуклюжий Валдас неожиданно резко прыгнул на Витальку, сбил его на песок. Виталька разозлился. Валдас пыхтел, жарко дышал ему в лицо, и было ясно, что зубы он чистил давно. Виталька вывернулся из-под него, и тут навалился Кубик. Клубком покапались по песку, подминая чьи-то полотенца, подстилки. Возмущенно кричала толстая белокурая женщина, кто-то стал разнимать их.

— Куликаны! Места фам мало! — кричала женщина-латышка.— Итите прочь! Фыпороть фас нато!

Виталька поднялся и обнаружил, что Кубик и Валдас куда-то исчезли. Он извинился. Женщина не ответила, она аккуратно раскладывала на песке широкое махровое полотенце. Виталька подошёл к своей одежде, сгрёб её, оглянулся. Из-за кустов на высокой предпляжной гряде выглядывал Кубик, рукой манил к себе. Рядом маячил Валдас. Виталька взобрался к ним.

— Быстро по домам,— командовал Кубик,— считай, что мы с тобой наполовину в рас-

чѣте.— Он хлопнул Витальку по плечу.

— Не понимаю,— прошептал тот.

Валдас хихикнул.

— Не понимает! — обрадовался Кубик.— Он дитѣ! А это видел?

Он протянул ладонь. На ней лежали круглые блестящие частики с браслетом.

— Золотые. Везучий ты парень,— сказал Кубик.— На сегодня всё. Дуй домой и на пляже два дня не появляйся.

РОДЬКА медленно поднялся. Неторопливо пошёл вниз, к городу. Сколько раз потом он вспоминал эту сцену на пляже в Дубултах! Бессонными ночами, после мучительного стыдного разговора со следователем, суда, встречи с заплаканной мамой, растерянным отцом, водворения в ВТК — воспитательно-трудовую колонию, он вспоминал первое своё участие в воровстве.

Нельзя сказать, что он не сопротивлялся. Он перестал встречаться с компанией Кубика, прятался от него. Но куда спрячешься в маленьком городишке. И он всё ещё находился в кабале. Он был дол-

жником! А потом рано-рано утром, когда родители только ушли на работу, явился Кубик, притащил два лоснящихся тугих чемодана и попросил спрятать их в том самом сарае, где они с отцом с таким упоением мастерили буер.

— Ты не дѣргайся! — утешил Кубик.— Ты их прихонишь, чтоб никто не увидел. Через неделю заберу. И долга не будет, прощу. И считай, что у тебя есть десятка. Сыграем?

Виталька и не помнил, как сел играть. И снова сделался должником Кубика.

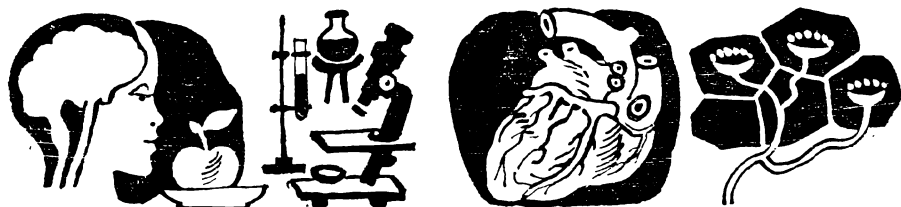
— Ерунда! — утешил его тот.— Отработаешь.— Он ругнулся.— Вокруг фраеров — глаза разбегаются.

Кубик тогда долго сидел у Витальки, опустошил почти весь холодильник, ел много и жадно. Виталька молча угощал его. А Кубик разглагольствовал.

— Погоди,— говорил он,— ещё одно дельце — и мы махнём с тобой на юг. Красотища! Едой надо запастись. Поможешь. Я с этой местной шантрапой знаться не хочу. Тебе доверяю. Всё вдвоём сделаем.

Виталька молчал. Ходу назад не было. А потом он стал Халвой.

(Продолжение следует)

САМАЯ СЛОЖНАЯ МАШИНА

ВАМ, БУДУЩИМ КОМСОМОЛЬЦАМ, тем, кто в ближайшие годы встанет вместе со старшими к станку, пульта, кульману, вам, будущим строителям коммунизма, посвящаем мы наш новый цикл.

Мы будем знакомить вас с теми отраслями науки, производства, народного хозяйства, в которых — и очень скоро — предстоит трудиться вам после учёбы.

Сегодня перед вами выступает ленинградский учёный академик В. Н. Черниговский. Мы попросили его рассказать о будущем советской физиологии.

— ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ, наверное, прежде всего надо пояснить ребятам подробнее, что же именно изучает наука физиология.

— Начнём с того, что физиология — это душа медицины. Какую бы отрасль медицинской науки мы ни взяли, мы всюду наталкиваемся на открытия, сделанные физиологами. Вот в этом, семьдесят восьмом году будем отмечать триста пятьдесят лет открытия кровообращения, сделанного англичанином Уильямом Гарвеем. В будущем году исполняется сто пятьдесят лет со дня рождения выдающегося физиолога Ивана Михайловича Сеченова, которого принято называть отцом русской физиологии. Если Гарвей дал нам общую теорию кровообращения, то Сеченов вооружил нас основными законами деятельности нервной системы. Так вот, физиология — это наука о том, как работает живой организм и его отдельные органы и как организм в целом приспосабливается к окружающей среде.

— Как же физиологи изучают живой организм? Ведь это, наверное, очень трудно.

— Безусловно, непросто наблюдать за живым, не принося ему вреда. А уж если организм повреждён, то ведёт он себя иначе, не как здоровый. Как же быть? Тут нас выручают точнейшие приборы, миниатюрные инструменты. Например, мы исследуем электрические процессы, происходящие в нашем организме. Так вот, представьте, мы можем наблюдать даже за отдельной нервной клеткой с помощью тончайших электродов — толщина их измеряется долями микрона. Мы можем изучать также обмен веществ в клетке, не только когда она изъята из организма, но и, так сказать, на месте. И всё это благодаря достижениям современной техники. Вообще физиология постоянно питается достижениями других наук — физики, химии, мате-

матики. Кстати сказать, сами физики нередко могут взять какой-нибудь объект для изучения и последовательно разложить его на составные части. А попробуй обойтись так с живым организмом! Помнится, известный английский физиолог Арчибальд Хилл долго бился, пытаясь создать такие условия, чтобы без всяких помех исследовать теплообразование в нервной ткани. Один из его друзей — физик, видя его мучения, посоветовал: «Да погрузите ваш препарат в жидкий азот, и дело с концом!» На что Хилл ответил: «Действительно с концом: в жидком азоте мой объект просто погибнет, и я уж никогда не узнаю, что же в нём происходило». С такими трудностями нам, физиологам, приходится сталкиваться на каждом шагу.

— И всё-таки ваша наука уверенно движется вперёд. Интересно, а какие задачи ждут её лет через десять, в каком направлении будет развиваться эта наука?

— Первым я бы назвал направление, которое сейчас только ещё намечается, но будет очень бурно развиваться в дальнейшем, — это управление так называемыми произвольными функциями. Поясню. Все мы очень хорошо можем управлять нашим мышечным и двигательным аппаратом, проще говоря, регулировать свои движения: захотел — пошёл, не захотел — сел, захотел — побежал, не за-

хотел — остановился. Это вполне в нашей власти. А вот, скажем, работой желудка, частотой сердцебиений, движением крови по сосудам мы управлять уже не в силах. Эти функции потому иногда и называются неуправляемыми. И всё же мы имеем достаточные основания полагать, что вполне можем управлять ими. Ключ для решения этой проблемы вложил в руки современных физиологов мой покойный учитель академик К. М. Быков. Используя открытый И. П. Павловым метод условных рефлексов, он показал, что можно по желанию изменять работу любого внутреннего органа. Пока что это кажется фантазией. Но я думаю, что со временем не только физиологи, но и самые обыкновенные люди смогут научиться управлять неуправляемыми функциями. И тогда, к примеру, если у человека заболит сердце, он сам восстановит его деятельность, не прибегая к лекарствам.

— Любопытно, а как же он это делает, такое чудо?

— Прежде всего человеку поможет метод биологической обратной связи. Я поясню это на примере. Сидит, допустим, человек перед экраном осциллографа — это очень распространенный сейчас прибор, — и этому человеку, страдающему каким-то заболеванием нервной системы, предлагают внимательно следить за ярко светящейся точкой на экране. Ему говорят, что если он с помощью ручки управления будет возвращать убегающие от этой точки светящиеся полоски назад, то его недуг постепенно пройдёт. Человек принимает за дело, соответственно настраивается, и, представьте, ему ста-

новится легче. А лечит-то он сам себя. Такой метод уже не раз помогал людям избавиться от тяжёлых заболеваний.

Другое столь же перспективное направление — это изучение центральной нервной системы — головного мозга. Дело в том, что наш головной мозг обладает огромными резервами, и пока что эти резервы мы используем плохо, мало и неумело. Используя тот же метод обратной биологической связи, можно научиться управлять и самим мозгом. Как это ни странно, но мозг, который управляет всем нашим организмом, может руководить и самим собой. Я думаю, что лет через десять физиологи дадут нам способ, а может быть, и несколько способов, которые позволят регулировать деятельность мозга.

Третье, не менее важное направление — это исследование мембран — тончайших оболочек, покрывающих клетку. Рассмотреть их можно только в самый сильный микроскоп — электронный. Каждая клетка нашего организма живёт, обменивается с соседними клетками разными веществами, приспосабливается к различным условиям, и всё это она делает с помощью мембран. Многие из них обладают избирательной способностью — они пропускают одни вещества и не пропускают другие. Я бы сказал, что это своего рода контрольно-пропускной пункт на границе двух государств, каждое из которых не больше молекулы. Выходит, что очень многие важные процессы, происходящие

в нашем организме, находятся в прямой зависимости от мембран. Вот почему учёные очень серьёзно изучают их. Исследования мембран обещают нам чрезвычайно большие перспективы в будущем.

— Скажите, пожалуйста, Владимир Николаевич, а как открытия физиологов применяются на практике?

— Можно показать это на примере одного из направлений нашей науки — экологической физиологии. Эта наука изучает, как животный мир и человек приспосабливается к окружающей среде и как эта среда влияет на человека. Вот послушаешь иной раз сводку погоды — и приходишь в изумление: на Черноморском побережье Кавказа плюс двадцать один градус, а в Якутии — минус сорок два. Представляете, какие большие перемены должны произойти в организме человека, который, скажем, прилетел с Чёрного моря на север Сибири. Ведь он должен адаптироваться, приспособиться к новым условиям. Очень нелёгко, к примеру, перелёт из Москвы во Владивосток, где разница во времени составляет восемь с половиной часов. Я на себе испытал это, когда прилетел в Хабаровск. В положенные часы я хотел спать, а спать нельзя было, потому что был день.

Все мы очень хорошо знаем, как нелегко космонавтам привыкать к невесомости. И это понятно, потому что мы, жители Земли, привыкли к постоянному действию сил тяжести. Так же нелегко и вернуться из невесомости на Землю, к привычной обстановке. Вот такого рода ситуации, когда человеку приходится приспосабливаться к новым климатическим условиям, к высокогорью или к невесомости, и

составляют предмет изучения экологической физиологии. Эта проблема уже сейчас имеет очень большое народнохозяйственное значение, а лет через десять физиологи будут, наверное, решать уже совершенно конкретные практические задачи.

— Значит, физиология имеет отношение и к освоению космоса?

— Безусловно! Самое прямое отношение. Мне, например, посчастливилось участвовать в подготовке к полёту первого космонавта Юрия Гагарина, да и в других космических программах. Физиологи — первые помощники космонавтов. Мы изучаем все самые тонкие процессы, происходящие в человеческом организме, когда он находится в космическом полёте, и помогаем космонавтам приспосабливаться к необычным условиям. Целый ряд наблюдений биохимиков и физиологов показал, что практически человек может находиться в космосе неопределённо долго. Пока ещё не решён вопрос о том, как действует на организм длительное пребывание в невесомости, но полагаю, что к концу десятилетия мы будем иметь точное представление и о том, что происходит не только на Марсе, но и на Венере, Юпитере, Сатурне. И конечно же, во всех случаях, когда речь пойдёт о полётах человека, физиологи всегда будут первыми помощниками астронавтов.

— Владимир Николаевич, что вы хотели бы пожелать читателям «Искорки»?

— Я много прожил, мне идёт уже восьмой десяток, я ещё помню полёты первых аэропланов, которые больше походили на испанские этажерки, нежели на летательные аппараты. Так вот, если бы меня спросили, чем бы я хотел заниматься, если бы мог начать жизнь заново, я бы ответил: только физиологией! С моей точки зрения, будущее наук лежит именно в области биологии. Иногда биологов и физиологов упрекают в том, что эти науки медленно движутся вперёд. И действительно, если сравнить прогресс, который мы видим в области физики или химии, развитие биологии покажется очень медленным. Но всё дело заключается в том, что человеческий организм — это, образно говоря, самая сложная машина, какая только существует на свете. Изучать её бесконечно трудно, сложно и в то же время увлекательно. И конца этому изучению никогда не будет. Чем больше мы будем узнавать о самих себе, о человеке, тем больше новых вопросов будет появляться. По-моему, очень интересно работать в такой области, где ещё много неизведанного, неясного и удивительного.

Беседу вела И. КОНСТАНТИНОВА

В пятницу 21 марта 1592 года у атлантического выхода из Магелланова пролива пиратская бригантина «Блэк дэз» («Чёрная смерть») атаковала «Инфанту» — четырёхмачтовый галеон, шедший с перуанским золотом в Испанию. У этого события, имевшего свои последствия в истории географических открытий, было романтическое начало.

В январе того же 1592 года капитан бригантины, известный среди пиратов как Джереми Дэвис (настоящее имя Джон Фредерик Дэвис), напав в Карибском море на французское судно, захватил в плен юную путешественницу графиню Те-

резу де Бурже. Сорокадвухлетний пират предложил французенке руку и сердце. Брак с графиней для него не являлся чем-то сверхъестественным. Джереми был сыном родовитого дворянина — владельца обширного поместья, крупной судовой верфи и фабрики по изготовлению парусины.

Двадцати одного года от роду, закончив Ливерпульские мореходные классы, Дэвис взял одну из отцовских бригантин, нарёк ее грозным именем «Блэк дэз» и предпочёл государственной службе судьбу вольного морского разбойника. За измену королю и пиратские нападения на отечест-

венные корабли суд Англии заочно приговорил его к смертной казни. Но привести приговор в исполнение было не так просто. Бесстрашный смертник гулял по морям и океанам. Он был знаменитым пиратом и по-прежнему оставался английским аристократом, о чём у него имелось свидетельство с королевской печатью. Джереми и предъявил его юной графине, дабы та не подумала, что на её руку претендует обыкновенный разбойник. Сохранились дневники графини, из которых видно, как происходило сватовство и как вела себя при этом пленная француженка.

«...Я содрогалась от ужаса, ожидая, как мне казалось, неизбежного. Неделью я провела в уединённой каюте, которую неотступно охраняли два пирата. Мне подавали обильную пищу и дважды на дню приказывали одеваться для прогулки. В те часы, когда я стояла на палубе, тоскуя по свободе, ко мне подходил Джереми. На его вопрос о моём здоровье, заданный с неизменной улыбкой, чаще я не отвечала. Не сказав ничего иного, он уходил, поигрывая резной индейской палочкой, которую всегда имел при себе. Вопреки всему уже тогда что-то будило во мне к нему симпатию. Шитый золотом голубой испанский бархат безупречно облегал фигуру и хорошо сочетался с цветом глаз.

На восьмой день Джереми сделал мне предложение, предъявив королевское свидетельство о своём дворянском

происхождении. Растерянности у меня не было, с уверенностью я могу сказать лишь о возникшей у меня в ту минуту новой решимости к сопротивлению. Предложение Джереми открыло мне, зачем понадобилась эта неделя невыносимого для меня выжидания. Он имел намерение дать мне время осознать своё положение, чтобы затем без труда получить моё согласие. Мной владело желание показать своё бесстрашие. Только так я могла добиться у этих людей уважения и права на независимые поступки в дальнейшем...»

Пылкая натура Терезы де Бурже жаждала острых ощущений. В то же время графине была не чужда и практичность. Она желала, прежде чем пойти под венец, обеспечить своё будущее. Джереми обещал всё устроить. Ему как раз сообщили, что из перуанского порта Кальяо вышел галеон с золотом. «Блэк дэз» без промедления двинулась ему навстречу, к Магелланову проливу,

Испанские галеоны были труднопотопляемыми кораблями. Они строились специально для перевозки ценностей. На галеонах устанавливалась мощная артиллерия, подбирались специальные, прекрасно вооружённые экипажи. Тридцатидвухпушечная бригантина с полсотней пиратов шла против громадины, имевшей восемьдесят четыре пушки и почти двести аркебуз.

Джереми привык побеждать. Теперь же, когда этого требовали интересы его женитьбы,

он стремился к победе вдвойне. Вот уже в борт галеона вцепились abordажные крючья, завязался жаркий рукопашный бой, и тут... Редко отступавшие пираты были вынуждены обратиться в бегство. Они вовремя заметили, как из про-

лива вышли ещё три испанских корабля — бриг и два фрегата. Это был запоздалый эскорт галеона, о существовании которого пираты не подозревали.

Фрегаты пустились в погоню за бригантиной. Она мча-

лась на восток, куда дул попутный ветер. Испанцы не отставали. От быстроходного пиратского корабля они держались всего в двух-трёх милях. При свете полной луны им хорошо было видно бригантину даже ночью. На второй день утром вперёдсмотрящий на фок-мачте «Блэк дэз» неожиданно крикнул:

— Земля!

Прямо по курсу показался неизвестный берег. До него было миль восемь. Над морской гладью отчётливо вырисовывались высокие мрачные утёсы, изрезанные многочисленными бухтами. На подступах к ним повсюду из воды торчали камни. Бригантина попала в ловушку. Поворачивать на север или на юг, в обход неожиданной земли, не было смысла. Пиратам оставалось либо выброситься на неизвестный берег, если камни позволят к нему подойти, либо сдать на милость преследователей, которые, судя по всему, решили расправиться с ними любой ценой.

Кормчий бригантины правил к берегу. Ещё пять миль, четыре... Вдруг заполоскались нижний фор-марсель и фок, потом начали обвисать другие паруса. Только что ровно дувший ветер внезапно утих. В миле от берега бригантина остановилась. Потеряли ход и корабли испанцев. До полудня бригантина и фрегаты лежали в дрейфе, ждали, когда задует ветер. Испанцам казалось, что пиратам от них не

уйти. С фрегатов видели и неприступный скалистый берег, тянувшийся далеко на север и юг, и непроходимые камни вблизи него.

В полдень на море спустился туман. Воспользовавшись этим, пираты на шлюпках двинулись к берегу. На буксире они тащили за собой бригантину. Еда, бочонки с пресной водой и корабельные ценности были перегружены в шлюпки. Джереми решил обмануть испанцев. Когда рассеется туман, испанцы увидят останки пиратского корабля и наверняка подумают, что его экипаж погиб. Пираты же между тем скроются где-нибудь за скалами.

Против ожидания, в гряде камней оказался проход и для бригантины. Тогда Джереми изменил план. Пираты спрятались за скалами сами и скрыли от глаз испанцев бригантину. На камнях же оставили разбитую шлюпку, клочья старых парусов и прочую судовую мелочь, которая при кораблекрушении должна была всплыть. Для большей убедительности в расщелине одного из подводных камней закрепили верхнюю часть обломанной грот-мачты.

Джереми не ошибся. На фрегатах действительно сочли пиратов погибшими. Испанцы повернули назад. Неведомый берег их не заинтересовал. Честь первооткрывателя Фолклендских островов досталась пирату Джереми Дэвису, или Джону Фредерику Дэвису...

ВСЮ ВТОРУЮ половину апреля в пятидесятых южных широтах Атлантики бушевали штормы. «Неистовые» пятидесятые оправдывали своё название. Неделю наш корабль шёл сквозь ураган. Свирепые волны, обрушиваясь на палубу и надстройки, выбили дверь в рулевой рубке, сорвали с балок две шлюпки правого борта и вообще натворили не разбери что. Нужно было где-то укрыться от бешеного ветра и всё приводить в порядок. Капитан принял решение идти к Фолклендским островам.

Подходящую бухту нашли у острова Нью-Айленд. Из двухсот островов Фолклендского архипелага он, пожалуй, самый маленький. Как сказано в лоции, его площадь не превышает сорока квадратных километров. Похожий на бумеранг лоскут земли, над которым беспрепятственно гуляют все океанские ветры.

Ещё издали я видел в бинокль на берегу бухты беленький домик и несколько хозяйственных построек из досок и гофрированного алюминия. У причальной стенки стояла небольшая парусно - паровая шхуна. За угрюмыми обрывистыми утёсами начинался холмистый бурый ландшафт без единого деревца. По распадкам бродили лошади, коровы и овцы. На краю одного обрыва среди бесчисленного множества пингвинов стоял, глядя на море, рыжий в белых яблоках бык. На шее у него болталось на цепи толстое бревно — известное средство

против излишней бычьей резвости. Более странное соседство трудно было себе представить: пингвины и... домашний бык!

Минут через пятнадцать после того, как мы вошли в бухту, шхуна, отвалив от пирса, направилась к нам. У самого нашего борта она круто развернулась и, резко отработав назад, остановилась. Это было старое китобойное судно, построенное, вероятно, в конце прошлого века. Позади грот-мачты прямо из палубы вырастала невысокая дымоходная труба. Когда-то такие шхуны строили норвежцы. По своим мореходным качествам и прочности среди китобойных судов они долго считались лучшими в мире. Шхуны не боялись ни льдов, ни антарктических бурь. Теперь в это верилось с трудом. Нелепый вид подошедшей к нам посудины не вызывал ничего, кроме смеха. Все столпились у борта, глаза на диковину.

На открытом ходовом мостике шхуны за штурвалом стоял длинный пожилой человек в грязном берете, очках и засаленном чёрном комбинезоне, из-под которого выглядывал воротничок белой рубашки, надетой под вылинявший голубой свитер.

— Я Джек Дэвис, хозяин этого острова! — прокричал человек со шхуны по-английски.

О Джереми Дэвисе я тогда ещё не знал и на фамилию этого англичанина не обратил внимания. Меня удивило лишь, что он хозяин острова. Я не по-

дозревал, что на свете существуют частные острова.

— Срочно нужна помощь! — не выпуская из рук штурвала, прокричал Дэвис. — Умирает мой сын. Он там, на берегу. — Кивком головы англичанин указал в сторону белого домика.

— А что с ним? — прокричал в ответ доктор. Он стоял тут же, у борта.

— Ранен, — сказал англичанин.

— Какой характер ране-

ния? Я врач, объясните подробнее.

— Он потерял много крови. Бритвой ранен.

Потом, когда мы с доктором были уже на шхуне, мистер Дэвис, направляя суднок берегу, взволнованно говорил:

— Дважды в год к нам приходит рефрижератор из Монтевидео, и как-то была шхуна из Порт-Стэнли. Других судов я здесь не видел, вас послал сам бог. Мы были в отчаянье — до ближайшей больницы четыреста миль. В море

сейчас штормы, я не знаю, что было бы с Редмондом. Этот глупый мальчик перерезал себе вены.

— Вены?! — У доктора округлились глаза. — Что же вы не сказали сразу? Скорее назад! Куда же вы гоните? Давайте назад, я должен взять необходимые инструменты.

— Редмонд сделал это в постели, — рассказывал мне Дэвис, пока мы ждали доктора. — В его комнате живёт пингвин, он поднял шум: пингвины не терпят запаха крови. Жена пошла узнать, в чём дело. В первом часу ночи вдруг шум. Потом она позвала меня. Ред не давал себя бинтовать. Нам помогла Энни, это моя дочь... Мне семьдесят шесть.

Я хотел спросить, что всё же толкнуло Редмонда на такой шаг, но не решился. Дэвис как-то враз посуровел. Хмуря плоский безбровый лоб, достал из кармана кожаный кисет, медленно свернул самокрутку, закурил. Помолчав, сказал ещё:

— Раньше ему нравилась говядина на углях. Сегодня я сделал, поджарил, как ему нравилось. Он не съел, вторые сутки ничего не ест. Глупый мальчик, в июне ему будет только восемнадцать...

— Это произошло вчера?

— Да, в ночь с воскресенья на понедельник. Вечером он, как обычно, хорошо поужинал. Потом играл с пингвином и немного спорил с дедом. У меня ещё жив отец, ему сто три года. Дед его очень любит. Не

всем молодым нравится, когда их любят...

Парня мы застали едва живым. Мертвенно-бледный, он лежал на кровати совершенно безучастный, с неподвижно застывшими глазами.

— Этот мальчик действительно плох, — натягивая халат, сказал доктор. — Вы видите, как он выжат? Он бы к вечеру умер.

Дэвисам доктор перевёл свои слова иначе:

— Я говорю, что положение не блестящее, но пока ничего страшного. Ему нужна свежая кровь, литра два.

На Нью-Айленде живут только Дэвисы. Вместе с Редмондом их семь человек. Кровь дед и отца не годилась, они оба слишком старые. Энни кормила двухмесячного ребёнка, поэтому её кандидатура в доноры тоже отпала. Оставались сорокалетняя миссис Агнес, мать Реда, и её двоюродная сестра Марго. Но сначала нужно было узнать, какая группа крови у них и какая у юноши. Кровь родственников, даже матери и сына, совпадает не всегда.

У Марго оказалась вторая группа, у миссис Агнес — третья. Труднее было определить группу Реда. Доктор исколот ему все пальцы, так и не получив из них ни капли. Пришлось класть под микроскоп бинты с уже заскорузлыми кровяными пятнами. Наконец выяснилось.

— Третья, — шумно вздохнул доктор и выразительно гля-

нул на меня. Ему, корабельному врачу, моя группа крови была, конечно, известна.

— Ладно,— сказал я, пожав плечами.

— И сколько вам не жалко?

— Да берите пол-литра! — вдруг расхрабрился я. Потом меня осенило: «Пол-литра — это же восьмая часть всей моей крови!» Но убавить щедрость теперь было неудобно.

Доктор перевёл мой ответ Дэвисам, добавив:

— Мистер Иванченко желает сделать из вашего сына запорожского казака.

И готовя прибор для переливания крови, принялся рассказывать, кто такие были запорожцы. Когда прибор был готов, врач сказал мне с усмешкой:

— Дух запорожца вы уже проявили, мы постарались его оценить, а теперь прошу закатать правый рукав. Возьмём двести пятьдесят граммов, по донорской норме. Вполне достаточно. На борту мы имеем ещё людей...

У НЬЮ-АЙЛЕНДА наш корабль стоял неделю. Я был свободен от судовых работ и жил эти дни в доме Дэвисов. Теперь они считали меня своим родственником, кровным братом Ред.

...Древний Джон сидел в кресле-качалке, покуривая закопчённую глиняную трубку. Он пододвинулся ближе к камину, кутался в грубошерстный домотканый плед, но ему было

холодно. На сто третьем году жизни человеку нелегко согреться. Старик часто сморкался, заученным жестом нахлобучивая лохматую меховую шапку. У его ног, одетых в толстые шерстяные носки, на свалывшейся грязно-бурой овчине лежал рыжий огнеземельский кот, огромный и жирный. Время от времени старик осторожно ставил на него мёрзнувшие ступни. Сонно мурлыкая, кот покорно грел их своим телом.

— Если Дэвисов не вешали, они всегда жили долго. Самоубийц у нас не было,— сказал старик гордо. Его прищуренные, до странности белые глаза осуждающе смотрели на внука. — Ты слышишь, Ред, самоубийц у нас не было.

— Сто раз слышал,— огрызнулся Ред.

— Ты прав, Реди, я, кажется, повторяюсь. Говорить или слышать одно слово дважды Дэвисы никогда не любили.

Обложенный подушками, Ред сидел в своей кровати. После операции шли уже четвёртые сутки. Юноша был ещё слаб, но на его щеках начинали проступать розовые жилки. По рекомендации врача миссис Агнес отпаивала сына парным овечьим молоком. Через каждые два часа она появлялась в комнате с белой эмалированной кружкой. Говорила с жизнерадостной улыбкой:

— Как дела, Реди? Вот твоё молоко.

— Спасибо, мама,— сухо отвечал он. В присутствии деда Ред выдерживал характер.

Мать, казалось, не замечала мрачного настроения сына.

— Ты знаешь, Реди, возле нашего овчарника расцвели два чудесных мака. Я боюсь их сорвать, как бы раньше времени не опали лепестки. Или ты хочешь, чтобы я принесла эти маки?

— Нет, мама.

— Я тоже так подумала, пусть растут. Удивительно, не правда ли? Вдруг расцвели маки! До весны ещё так далеко.

Пока, обхватив ладонями кружку, Ред медленно пил молоко, миссис Агнес стояла у его кровати, сообщая какие-нибудь новости. Голос у неё был певучий и ласковый, но без намёка на сентиментальность. На вид ей можно было дать лет тридцать пять. Невысокого роста, полногрудая, с отличной фигурой, которую подчеркивал строгий мужской наряд: клетчатая рубашка, широкий кожаный ремень, галифе и хромовые сапоги. Коротко подстриженные курчавые русые волосы, очки. На обветренном здоровом лице ярко выделялись почти детские губы, чуть приоткрытые в сверкающей белозубой улыбке. Спрятанные за очками умные серые глаза говорили о натуре спокойной и рассудительной.

— Да, Реди, я забыла тебе сказать. По-моему, твоя Матильда сегодня к вечеру будет с жеребёнком.

Ред молча кивнул головой.

— Ты не рад?

— Нет, мама, я рад. — Было видно, что новость его действи-

тельно обрадовала. Опустив на колени кружку с недопитым молоком, Ред против собственной воли улыбнулся.

— Хорошо, Реди, давай свою кружку, мне пора готовить обед. Папа, тебе ничего не нужно?

— Нет, Агнес.

— Может быть, вам? — Она обращалась ко мне.

— Спасибо, миссис Агнес.

Снова на два часа мы остались втроём. Старик, недовольно сопевший при невестке, продолжал прерванную мысль. Его скрипучий голос звучал глухо и как бы с надрывом.

— Ты помнишь, Ред, я рассказывал тебе, как мне пришлось убить своего босмана. Со мной тогда были твой отец и дядя Ричард. Ричарду ещё не исполнилось восемнадцати, он был такой, как ты, Реди. Мы охотились у Земли Грейама. Кашалот разбил нам корму. Вильсон поднял панику, он боялся, что мы утонем. Ты помнишь, Ред, почему я убил Вильсона?

Юноша опять помрачнел.

— Хватит, надоело!

— Нет, Реди, ты должен послушать. Вильсон был неплохим парнем, и мне жаль его. Он не умел держать себя в руках. Когда у человека с горячим сердцем такая же горячая голова, с ним лучше не связываться. Поддавшись панике, мы бы все погибли, все Дэвисы. Я убил Вильсона, и бог мне судья. Пусть он покарает меня, если ему будет угодно. Я взял на себя тяжкий грех, Реди, чтобы спасти род Дэвисов. Твой отец и дядя Ричард бы-

ли последними в нашем роду, я не мог их потерять. Ты, Реди, глупый мальчик, если не понимаешь, почему я взял на себя такой грех.

— На твоей душе грехов, как на овце блох.

— Нет, Реди, у меня один тяжкий грех. Ты помнишь, я говорил тебе, как Вильсон спас мне жизнь. Когда те трое увидели мои котиковые шкуры, я

понял, что ночью они убьют меня. Вильсон сумел с ними справиться, и я дал ему слово взять его к себе боцманом. Мы оба были довольны. Да, Реди, мой тяжкий грех — только смерть Вильсона. Если бы тебя не стало, она была бы напрасной. Теперь только ты можешь продолжить наш род.

Слушая деда, Ред нервно покусывал губы.

— Ты слышишь, Алек, он хочет сказать, будто убил этого Вильсона из-за меня! Когда я родился, Вильсона не было на свете уже двадцать пять лет.

— Наверно, дед вообще имел в виду внуков. Ты зря, Реди, на него сердись, он волнуется за твою жизнь.

— От его волнений сдохнуть можно. Купил этот проклятый остров, и сидим тут, как индейцы. Ты здесь несколько дней, а я, кроме Нью-Айленда, ничего не видел. Зачем мне такая жизнь?

Под столом проснулся золотоволосый пингвин. Вскочив, он ошалело глянул по сторонам, минуту постоял недвижимо, затем важно поковылял к старику. Уткнувшись клювом в его колено, птица ждала ласки. Оттолкнув её, старик хмуро проворчал:

— Пойди, Мак, скажи этому мальчику, зачем человеку жизнь.

Пингвин сердито зашипел, но, получив шлепок по лбу и лёгкий пинок в зад, вынужден был направиться к Реду. Остановившись у его кровати, он сложил на белой груди свои маленькие чёрные крылышки и рассеянно уставился в потолок. Весь его вид словно бы говорил: «Извини, Ред, но подойти к тебе меня заставили».

— Смотри, дед, даже Мак на тебя обижается,—неожиданно засмеялся Ред. Потом обратился ко мне: — Тебе нравится наш Мак?

— Он славный малый.

— Ему всего два года. Маленьким он подрался с птен-

цом баклана. Тот его здорово стукнул. Если бы не я, Маку пришлось бы отдать концы. Я его вылечил. Он признаёт только меня и деда.

Забравшись с ногами в обитое бычьей шкурой кресло, я листал «Иллюстрированные лондонские новости». После тесной корабельной каюты маленькая комната Реда казалась просторным покоем. Сложенный из нетёсаного серого базальта камин, широкая деревянная кровать, стол, застеленный голубым бархатом. На окнах — тяжёлые бледно-зелёные гардины. В правом углу — массивная этажерка. Старые издания Шекспира, Байрона, Диккенса и Фенимора Купера. Два тома Мопассана — «Жизнь» и «Милый друг». Нижнюю полку и две верхние занимали потрёпанные комплекты «Иллюстрированных лондонских новостей». Цветными вырезками из этого журнала была заклеена стена над кроватью Реда — всё сплошь портреты молодых девушек.

— Да, Реди, я знаю, мой мальчик, что тебе нужно,—устремив взгляд на стену, сказал старик. Трубка его давно погасла, но он всё ещё держал её в зубах, для его лет на удивление крепких и белых. — В мои годы об этом уже не думают. Я забыл, Реди, что жизни без жизни не бывает.

Вздохнув, он плотнее закутался в плед, глубже нахлобучил шапку и долго молча смотрел в пылающий камин. Мы с Редом тоже молчали. Наконец он снова заговорил:

— Я тебе ещё не надоел, Алек?

— Нет, мистер Дэвис, мне будет жаль с вами расставаться.

— Спасибо, Алек. Ты можешь называть меня дедом, теперь мы с тобой породнились. Если у тебя есть желание слушать, я расскажу тебе о нашей семье...

ОТЕЦ, дед и два прадеда Джона были пиратами, достойными потомками того самого Джереми Дэвиса. В конце своей жизни он поселился на открытых им Фолклендских островах. Он предпочёл их виселице, ждавшей его в любом порту, куда бы он ни рискнул зайти. Здесь он и умер. Похоронили его Тереза де Бурже и три человека из команды «Блэк дэз», пожелавшие остаться с капитаном до последнего его часа. Они были первыми людьми, поселившимися на пустынных в ту пору Фолклендах.

Тереза де Бурже пережила мужа на шесть лет и была похоронена рядом с могилой супруга. Для будущих Дэвисов

она сохранила две тетради своих дневников, в которых описывала отчаянную удачу пиратов, и глиняную индейскую трубку — любимую трубку Джереми. Тетради и трубка передавались из поколения в поколение.

В 1884 году, когда Джону исполнилось двадцать лет, родовые реликвии по наследству перешли к нему. Он получил их от отца вместе с новой бригантиной, построенной по специальному заказу на одной из лучших судостроительных верфей Гавра. Чарлз, отец Джона, имел во Франции своих людей. Через них он сбывал добытые на морских дорогах ценности, и они же передавали судостроителям его заказ на бригантину. Тогда уже можно было построить более мощный корабль, но Дэвисы всегда верили в бригантины. То был корабль-красавец. Длинный точёный бушприт, две резко наклонённые к корме мачты и стремительный стреловидный корпус, обитый тонкой ковальной медью. При хорошем ветре «Флайн стар» («Летающая звезда») давала двадцать миль в час.

ИНДЕЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

ОТКУДА У ИВОЛГИ ТАКОЕ КРАСИВОЕ ОПЕРЕНИЕ

В незапамятные времена, когда мир был ещё молод, иволга не имела такого красивого оперения, как теперь. У неё не было ни жёлтых, ни оранжевых перьев, а лишь грязновато-серые.

Однажды утром человек, который жил одиноко в лесу, услышал, что вблизи его вигвама кричит птица. Она кричала так жалобно и печально, что индеец не вытерпел и решил посмотреть, в чём дело. Долго он всматривался, пока не заметил высоко на дереве маленькую птаху.

Когда над холмами показалось Солнце, человек услышал, как птица спросила:

— Солнце, что мне сделать, чтобы у меня был такой же красивый наряд, как у тебя?

Солнце улыбнулось и весело сказало:

— Не унывай, малыш! Если каждое утро ты будешь весело и радостно приветствовать меня песнями, я подарю тебе вот такой прекрасный наряд. Смотри!

Птица изумлённо оглядывала себя, её тусклые серые перья превратились в золотистые!..

Птица так обрадовалась, что забыла про Солнце. Но Солнце напомнило ей:

— Если ты забудешь о нашем уговоре, я отниму у тебя твой новый наряд.

И тогда иволга запела самые звонкие песни, какие только могла припомнить. Когда она остановилась, чтобы перевести дыхание, Солнце заговорило снова:

— Теперь, когда у тебя такое яркое оперение, ты должна вить гнёзда высоко на деревьях, где никто не сможет найти ни тебя, ни твоих птенцов. Завтра утром я расскажу тебе, как это сделать, а пока прощай, у меня впереди ещё множество дел!

Солнце выполнило своё обещание, и вот поэтому так трудно увидеть гнездо иволги. И вот откуда у иволги такое красивое золотистое оперение, и вот почему она приветствует Солнце прекрасной радостной песней.

КАК ПОЯВИЛАСЬ РЕКА МАКЕНЗИ

Давным-давно, когда на земле индейцев ещё не было людей, озеро Большое Невольничье было неизмеримо обширнее, чем теперь, и ни одна река не вытекала из него на север. В те дни на восточном берегу озера жил великан. Ростом он был с добрую сосну, а одежда его была сшита из огромных лосиных шкур. Копьём великану служила закалённая в огне ель с медным наконечником.

Однажды великан отправился на охоту. Вскоре он наткнулся на громадное жилище бобра. В те далёкие времена и бобры были гигантскими. Когда великану удалось наконец разрушить постройку, оттуда выскочила бобриха с детёнышем. Охотник убил бобрёнка, но бобриха успела нырнуть в озеро.

Проткнув тушу бобрёнка копьём и взвалив её на плечо, великан побежал по берегу за бобрихой. Она доплыла до западного края озера. Здесь высилась крутая скалистая гряда. В отчаянии бобриха ринулась грудью на скалу и пробила её. Мощный поток воды хлынул в отверстие и унёс животное. А великан

продолжал свой путь вдоль берега, пока не достиг устья реки Медвежьей.

Он так проголодался и устал от погони, что решил остановиться, чтобы отдохнуть и поесть. Сбросив тушу с плеча, он развёл костер и сварил мясо. Огонь, зажжённый великаном, горит и поныне в пластах бурого угля, что залегает по берегам реки Макензи, неподалеку от места впадения в неё реки Медвежьей.

Так благодаря отваге и усилиям бобрехи река Макензи отвернула от Большого Невольничьего озера и проложила путь в Северный Ледовитый океан.

КАК ЛЮДИ ПОЛУЧИЛИ ОГОНЬ

В давние времена люди не знали огня. Для обогрева он не был им нужен, так как на земле было тепло, а мясо они ели сырым или высушивали его на солнце. Но постепенно на земле становилось всё холоднее. Люди не знали, как им согреться, и страдали от стужи.

Однажды несколько охотников сидели вокруг туши только что убитого оленя и вдруг заметили, что над ними кружится удивительно красивая птица. Люди спросили:

— Чего ты от нас хочешь?

— Я знаю, чего вам недостаёт, — ответила птица, — я пришла, чтобы дать вам огонь.

— А что такое огонь? — удивились люди.

— Видите ли вы сияние на конце моего хвоста? — спросила птица. — Это и есть огонь. Сегодня каждый из вас должен собрать небольшую охапку сухих веток. А завтра рано утром я прилечу сюда снова и дам вам огонь.

Рано утром люди собрались в назначенном месте, птица уже ждала их.

— Я вижу, вы принесли ветки, — промолвила птица. — Теперь тот, кто пойдёт со мной, получит огонь. Только помните: чтобы заслужить огонь, надо доказать, что ты отважен и добр. А теперь мы отправимся в путь.

Птица полетела, а за нею побежали люди. Они бежали, обгоняя друг друга, через скалы и бурелом, через ручьи и болота, через леса и равнины. Они изранили руки и ноги, срываясь со скал и спотыкаясь о поваленные деревья. Они испачкались в грязи, а одежда их превратилась в клоችя. И тогда половина людей повернула назад. Но птица продолжала лететь. Наконец какой-то человек попросил её:

— Милая птица, дай мне огонь! Я до сих пор не покинул тебя и никогда не сделал ничего плохого.

— Может, это и так, — ответила птица, — но ты и не сделал никому ничего хорошего. Ты себялюбив. Я не могу дать тебе огонь. — И она полетела дальше.

Через некоторое время другой человек попросил ее:

— Милая птица, дай мне огонь, я был всегда справедлив и добр.

— Может, это и так, — ответила птица, — но зачем ты хвалишься своей добротой? Я не могу дать тебе огня. — И птица полетела дальше. За нею следовало уже совсем мало людей. Наконец птица подлетела к дому, где жила женщина, которая ухаживала за больным стариком. Птица влетела в дом и сказала:

— Принеси сухие ветки, я дам тебе огонь.

— Ах, нет, — отвечала женщина, — я ничем не заслужила этого. Я лишь выполняю свой долг.

— Возьми огонь! — приказала птица. — Он твой, потому что ты всегда творила добро, думая, что лишь выполняешь свой долг. Возьми огонь и поделись им с другими людьми.

Тогда женщина прикоснулась веткой к хвосту птицы и зажгла от него огонь. Она раздала его людям, и люди с тех пор никогда не расставались с ним. На огне они варили пищу, огонь обогревал их жилища.

Вот как люди впервые раздобыли огонь.

Перевела с английского Ел. ЛЬВОВА

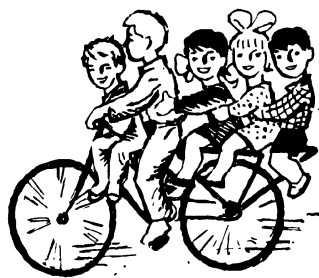
Рис. Л. Московского

РЕБЯТАМ-ОКТЯБРЯТАМ

Олег БУНДУР

Обида

Вот как вырасту —
Себе
Я куплю
Велосипед.
Прокачу я детвору
По широкому двору,
Кто захочет сам —
Всем проехать дам!
Знаю, как обидно это,
Если нет велосипеда.

Бывалый заяц

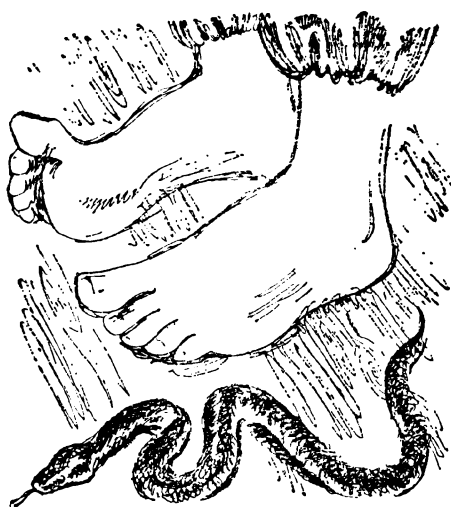
Шла лиса.
Сидел косой,
Кушал булку с колбасой.
Принялась лиса просить:
— Дай разочек
откусить!..—
А зайчишка — лапку в бок:
— Ты сжевала колобок,
У вороны сыр украла,
И тебе, лиса, всё мало?!
Нет, ни крошечки
не дам! —
Колбасу и булку — ам!
И бывал таков.

Рис. Н. Нефёдова

Леонид ИВАНОВ

НЕОБЫЧНОЕ СОСЕДСТВО

Дождь начался с полудня. Капли дождя заливали линзы у теодолита, видимость в потемневшей тайге резко снизилась. Работать нельзя, а конца дождя не предвиделось. Мы с моим напарником по работе Мишей Леонтьевым вернулись домой и прилегли отдохнуть, ожидая, когда повар позовёт на обед.

Крупные капли дождя громко щёлкали по палатке, иногда с порывом ветра рассыпаясь в барабанную дробь. И так-то тоскливо, а тут ещё мыши расхулиганились: щелестят чем-то, скребутся, пищат.

— Сегодня опять, проклятые, рюкзаки прогрызли! — в сердцах сказал Миша. — Прямо напасть какая-то...

Печенье сожрали, сахар рассыпали. Никак на них управы не найти!

Палатки в нашем лагере были поставлены капитально. Деревянный каркас внизу обшит пластинами. Дощатый пол приподнят над землёй. Всё было отлично до тех пор, пока в палатке не появились... мыши. Эти serene зверьки вначале нас просто веселили. Мы смеялись, наблюдая, как они забавно умывались или обедали, сидя на задних лапках, держа передними корочку хлеба. Мышам явно пришлось по душе такое дружелюбное отношение. Видимо, они сообщили об этом своим родственникам и знакомым, так как вскоре мышиное население заполнило нашу палатку. Тут уж нам стало не до смеха! Мыши уничтожали всё съестное, разгрызая любую упаковку, кроме стекла и жести.

Ночью они устраивали целый «концерт»: бегали, пищали, что-то грызли, шелестели бумагой. Наиболее любопытные залезали в спальные мешки. Тогда среди ночи раздавалось чертыхание, спальный мешок, изгибаясь, прыгал на раскладушке, изгоняя непрошеного гостя...

— Кота бы сюда... — мечтательно сказал Миша.

— Надо попросить привезти из посёлка какого-нибудь мурлыку!

За обедом вопрос о коте был поставлен перед начальством со всей решительностью:

— Сил больше нет терпеть! Хотя палатку поджигай!

— Надо так надо. Будет вам кот! — пообещал начальник.

Ближайшим попутным рейсом катера из посёлка в лагерь был доставлен молодой кот по имени Кузя, чёрно-белой расцветки, со сложным узором на плутоватой мордочке. Кузя быстро привык к необычной лагерьной обстановке. Но мышами он не очень интересовался. Его больше прельщала кухня, где от повара ему перепали разные вкусные вещи. В свободное от сна и еды время Кузя бродил по лагерю, ловил для развлечения кузнечиков, потом заходил в какую-нибудь палатку и снова располагался спать на раскладушке.

Мы всеми силами старались завое-

вать дружбу Кузи, приглашали в гости, предлагали разные лакомства. Но, отведав угощения, хитрюга кот свёртывался клубочком на спальном мешке и спокойно засыпал. Правда, пока Кузя спал в палатке, мыши вели себя сносно. Возились под полом, но из щелей не вылезали.

— Ну, теперь мышам какую! — радовались мы с Мишей. — Уж Кузя не даст нас в обиду!

Однако веселились мы напрасно. Выспавшись, Кузя отправлялся на прогулку, где-то в лесу ловил мышей, приносил их в палатку и... выпускал. Происходило это обычно так: Кузя с мышью в зубах уверенно входил в палатку, клал свою добычу на пол, сам садился около и дружелюбно на неё посматривал, склонив голову набок. Обращался он с мышами очень деликатно, потому что, пролежав с минуту на полу, мышка вскакивала и устремлялась к ближайшей щели. Кузя с излишней самоуверенностью позволял ей отдалиться на небольшое расстояние и спохватывался, когда мышка исчезала под полом. Он долго ходил вокруг щели, пытался туда просунуть лапу. Видя, что добыча улизнула, Кузя не спеша отправлялся за новой, и всё повторялось сначала. Сколько он нам в палатку перетаскал и выпустил мышей — трудно установить. Ночевал Кузя у нас редко, предпочитая более спокойные палатки, мыши же, получив подкрепление, усидели свою возню.

— Что за кот ты нам привёз? — нападал Миша на моториста катера Гену Матвеева. — Он же всё делает наоборот!

— Я же его не экзаменовал! — возражал Гена. — Мне только сказали, что он большой специалист по мышам, даже просили обратно привезти. Может, ещё одного для вас прихватить?

Миша только рукой махнул:

— Не хватало, чтобы нам два кота мышей в палатку носили!

На следующую ночь над лагерем прошла гроза. Мощный ливень затопил в окрестности все низинки. У нас в палатке было сухо. Отводная канавка не дала воде пробраться

под пол. И как ни странно, мышей не стало слышно. Прекратился мышиный концерт, и даже забытый на столе кусочек хлеба остался нетронутым. Мыши исчезли...

— Прямо как в сказке! — недоумевал Миша. — Неужели это всё же Кузя разогнал мышей? А мы его ругали...

— Да Кузя ведь в палатку мышей носил, а не из неё!

— Наверное, это какая-то особая кошачья тактика. Может, он кот-новатор, а?

Прошло несколько дней. Мы уже привыкли к тишине, спали спокойно. Кузя почему-то перестал заходить к нам и даже палатку обходил стороной.

— А что ему у нас делать? — возразил как-то Миша на моё недоумение. — Мышей не стало, он свою задачу выполнил, угощать его нам нечем, вот он и обходит нас стороной!

Однако причина была не в этом. Как-то днём я на минутку забежал в палатку и замер... На полу около моей раскладушки, свернувшись спиралью, лежала змея. На шум шагов она быстро подняла голову, блеснув, как бриллиантами, продолговатыми зрачками, не спеша стала распрямляться и поползла к щели. Ещё несколько секунд, и в щель мелькнул кончик её хвоста. Я только успел разглядеть чёрный, квадратиками узор на серой спинке. Гадюка! Я невольно оглянулся, ища палку, — уж так человек устроен, что при виде змеи тут же стремится её пристукнуть. Палки не было. Немного успокоившись, я взял фонарик и заглянул под раскладушки — нет ли ещё гостей.

Под Мишиной кроватью, вплотную к дощатой стенке, растянувшись во всю длину, лежала ещё одна гадюка, совершенно чёрная, длиной поболее полуметра. И так же, как первая, она без задержки скрылась под полом. Видимо, сильный дождь затопил змеиные убежища, и они облюбовали наше «подполье».

Вот и разгадка и исчезновения мышей, и опасливого поведения Кузи.

— Ну и пусть живут, — спокойно произнёс Миша, когда я рассказывал ему о новых жильцах. — Зато мышей не будет. Лучше пара змей под полом, чем полсотни мышей, бегающих по всей палатке. В конце концов, змей никогда первыми не нападают на человека.

Миша меня убедил, и мы решили наших гадючек не тревожить. Да и они вели себя тихо. Наружу почти не выползали и вообще на глаза старались не попадаться. В таком необычном соседстве прожили мы больше месяца.

Обитатели соседних палаток знали о наших «жильцах», которых мы именовали «Серуха» и «Чернуха». Относились они к ним если и не очень доброжелательно, то во всяком случае терпимо.

— Ваша Чернуха гулять отправилась, — докладывали нам соседи, — как бы к нам не переползла!

— Пусть погуляет! Вернётся! — отвечал Миша. — У нас ей хорошо, так что не волнуйтесь, к вам она не переползёт! Если мыши вас будут допекать, так и быть, уступим вам на время парочку гадюк.

— Нет уж! Спасибо! Доиграетесь вы с вашими змеюками!

Но мы «не доигрались». Всё обошлось благополучно. Когда уже под осень палаточный лагерь был снят и палатки разобраны, мы с Мишей из любопытства заглянули под пол. Там уже никого не было. Впрочем, не совсем так: змеи уползли в более спокойное убежище, но нам оставили на память солидный кусок серенькой, с узорами змеиной шкурки. Видимо, наша Серуха сменила костюм, выбросив старый за ненадобностью.

Е. АНДРЕЕВ

ДИКАРКА

Маленьким серым комочком принесла её в дом моя старшая сестра. Ещё малышкой кошка поразила нас своим аппетитом. Как только появлялась она в доме, то мгновенно съедала всё, что ей оставляли, будь то молоко или суп, простокваша или просто сухой хлеб. Летом она ежедневно уходила по утрам в лес и частенько приносила разных птиц, иной раз довольно крупных.

Сначала мы звали её Аришкой, но, насмотревшись на её повадки, единодушно решили прозвать Дикаркой, правда, она не отзывалась ни на ту, ни на другую кличку. Она вообще никого не признавала и не подпускала близко к себе.

Мы лишь издали могли наблюдать, как она, искусно маскируясь в траве, ползком подкрадывалась к воробьям. Вскоре они стали стороной облетать наш двор, так как Дикарка производила в их рядах страшные опустошения.

Несмотря на такую прожорливость, Дикарка была ужасающе худа — кожа да кости. И сколько она ни ела, всё оставалась тощей.

Хотя Дикарка и не подпускала к

себе никого, стоило кому-нибудь из нас, скажем, пойти в лес, она неизменно кралась следом, держась на почтительном расстоянии.

Однажды летом я обнаружил в низшем саду гнездышко крапивника. В гнезде лежало пять крохотных яичек. Время от времени тайком навевывался я к гнезду, дожидаясь появления птенчиков. Вскоре птичка вывела потомство. И как-то раз я решил навестить птенцов, осторожно подошёл к кусту, раздвинул его... и похолодел.

Вместо птенчиков в гнезде лежала, свернувшись в клубок, большущая тёмно-серая гадюка. Заглотив птенцов, она раздулась и выглядела угрожающе.

Видимо, раздвигая куст, я задел змею, так как она яростно зашипела и мгновенно сделала выпад в сторону моей руки. Она не дотянулась всего на какой-то миллиметр. Я оцепенел от страха, не в силах шевельнуться. Змея тем временем быстро развернулась для нового броска.

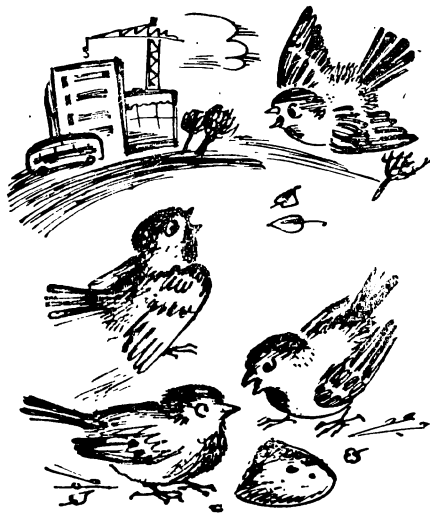
И тут случилось нечто невероятное. Откуда-то из-под меня серой молнией вдруг метнулось длинное гибкое тело, и прежде чем страшные зубы успели коснуться моей руки, змея была схвачена за горло и вырвана из куста.

Это была наша Дикарка. В несколько мгновений она перегрызла шею гадюки и исчезла с добычей.

Когда я с дрожью в голосе рассказывал об этом случае дома, мне не очень поверили, но я взял отца за руку и привёл к месту происшествия. Там около куста ещё валялась гадючья голова. Идя обратно, мы увидели нашу Дикарку, как ни в чём не бывало гревшуюся на солнышке около дома. Растроганный её героическим поступком, я хотел погладить Дикарку, но она недовольно заурчала и убежала.

Однажды, уже глубокой осенью, Дикарка ушла в лес и не вернулась. Дни проходили за днями, а она не появлялась. Несколько раз ходил я на край леса, где в ветвях могучих сосен так любила охотиться Дикарка, искал её всюду, но Дикарка пропадала навсегда.

А. ШИБАЕВ

ВОРОБЕЙ

И чего только не говорят про воробья: и драчун-то он, и забияка, и воришка... Разбойником даже называют! Только это уж ни к чему. Наговоры это. Напраслина. Лично я — за воробья горой! Почему? А вот послушайте...

Сиюю я как-то летом в сквере на скамейке. Смотрю — скачет! Да как хорошо скачет-то: скок, скок, скок — словно не ножки у него, а пружинки стальные... Ко мне подскочил и в глаза заглядывает: нет ли у тебя, мил-человек, чего-нибудь вкусенького?.. А у меня как раз пирожок был в кармане. Отломил я кусочек: ешь, приятель! Попробовал он — вкусно. Если бы зимой дело было — унёс бы свою добычу куда-нибудь подальше от чужих глаз, не поленился бы. А сейчас — неохота эдакие тяжести ворочать, не голодные времена...

Вы видели, как ловко воробей с большим куском справляется? Схватит его клювиком и об землю шарпает, пока он не обломится и в сторону не отлетит. Отлетит, а во рту маленький шматочек остаётся, как раз такой, чтобы, чего доброго,

не подавиться... Потом снова — хватить и об землю. Глядишь, от куса-ка-то ничего и не осталось. Вот как! Уметь надо.

Ну а тот, что я дал, наверное, слишком велик — одному не управиться. Да ведь и успел уж, конечно, мой воробышек сегодня перекусить где-нибудь. Как говорится, червячка заморить... В общем, смотрю, потерял он вдруг интерес к пирожку, оставил его, замахал крылышками — часто-часто! — и улетел куда-то.

«Любопытно, — думаю, — куда он полетел? Вернётся ли?»

Вернулся! Да не один — с двумя товарищами. Чирикнул им, наверное: так, мол, и так, есть еда, очень вкусная. Летите за мной, покажу... И вот стали они втроем с аппетитом обедать. И мой приятель приналёг на еду: видно, пока друзей созывал, снова сильно проголодался. Ну, было, правда, было: немножко поскандалили за обедом. Это так. Была кое-какая свалка. Но, друзья мои, что ж вы хотите, чтобы воробьи за одним столом тихо-мирно пообедали?... Характер у воробья не таков. Очень уж вспыльчивая у него натура! А вообще — славная птица воробей. Смелая. Весёлая. Компанейская. Лично я — за воробья горой!

Рис. Е. Галеркиной

Валерий ШУМИЛИН

Удивительная прогулка

*Нам с тобой не скрыть улыбок,
Удивительный маршрут:
Представляешь, стайки рыбок
Выше нас сейчас плывут.*

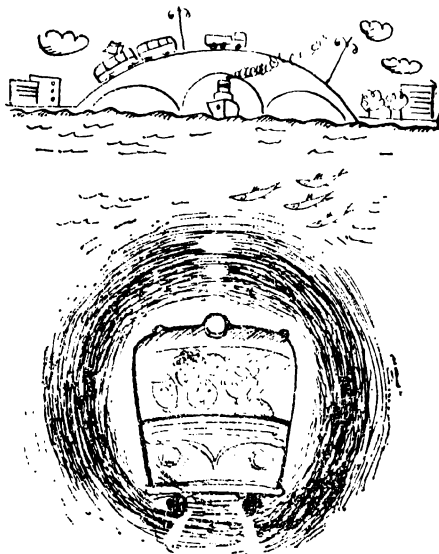
*Даже боязно подумать:
Оказались под водой!
Водолазные костюмы
Не надели мы с тобой.*

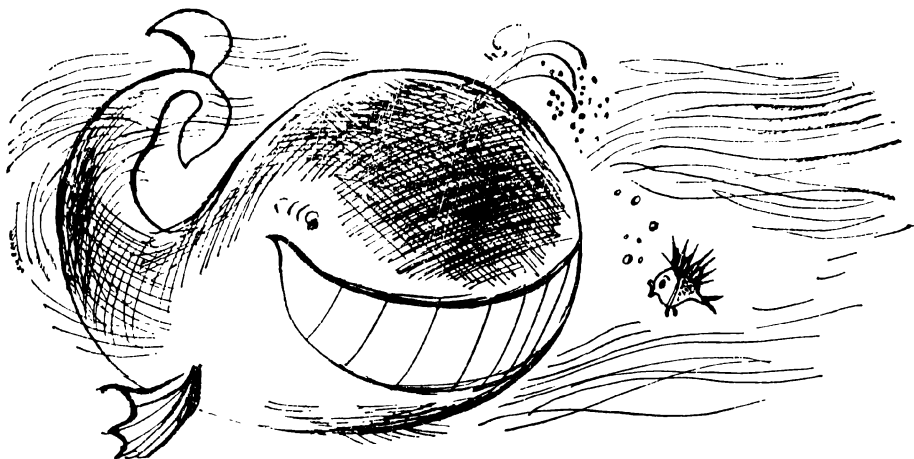
*Необычная прогулка —
Тридцать метров глубина!
А над нами бьётся гулко
О седой гранит волна.*

*И бегут, бегут буксиры
И гудят перед мостом.
Дно речное, как в квартире,
Стало нашим потолком.*

*И бывает же такое,
Как придумано хитро:
Мы с тобою
Под Невою
Мчимся в поезде метро!*

Рис. Л. Московского

КИТ И ЕРШ

Вынырнул как-то из воды маленький морской Ерш. «Дай,— думает,— посмотрю, а что делается наверху? Говорят, там бабочки разноцветные летают? Интересно, что это такое?»

Только он так подумал, как кто-то рядом тяжело вздохнул:

— Уф-ф-ф-ф!

И на любопытного Ерша обрушился целый столб воды. Не успел колючий малыш рассердиться, как увидел — движется на него что-то огромное.

— Ах! Да это Кит! — сразу сообразил Ерш.

От кефали он слышал, что Кита бояться нечего, с ним можно даже поговорить, пока тот отдыхает на поверхности моря. А поговорить ему, Ершу, очень хотелось.

— Кит, а Кит! — пропищал Ерш как можно громче. — Слышал я, что ты рыба — не рыба, зверь — не зверь... Как же так может быть?

Кит стал озиаться: кто же это пищит рядом? И наконец разглядел маленького Ерша. Кит широко улыбнулся:

— Ишь ты, такой маленький, а любопытный!.. Что ж, расскажу тебе о нас, китах. Много-много веков назад мои далёкие предки жили не в море, а на суше. Поэтому были они покрыты шерстью, имели лапы и уши. Но не было у них ни когтей, ни клыков, ни рогов. А зачем они? Мои далёкие предки были очень добрые. Драться с кем-то за свои богатые пастбища им было противно. «Соседям тоже надо кормить детей сладким тёплым молоком», — думали они и уступали самые лучшие поля всем, кто бы их ни попросил. Так, уступая луг за лугом, поляну за поляной, добрались до берега моря. Там было много камней и песку, но не очень много еды.

Однако не успели мои миролюбивые предки обжить берег, как тут же появились новые зверюшки-малютки и стали кормиться улитками и червяками.

А рядом, в море, росла чудесная зелёная трава. Так уж пусть медуза питается червяками,— мои предки нырнули в холодную солёную воду и стали там искать себе корм.

Так мои славные предки обжили море, но один враг у них всё-таки нашёлся и здесь. Это была вода, не удивляйся, именно вода! Ведь сделать шаг в воде во много раз труднее, чем на воздухе. Было и ещё одно... Ты, наверное, слышал, что земные животные не могут дышать под водой...

Я тебе говорил уже, что мои предки были чрезвычайно добродушны, они всем уступали. Они уступили и... воде. Каждый раз для того, чтобы вздохнуть, они всплывали на поверхность моря, а потом вновь ныряли в глубокую воду.

Чтобы как можно меньше причинять воде неприятностей своей волосатой кожей, они сбросили с себя шерсть. Вскоре они поняли, что оттопыренные уши и резкие движения задних ног воде тоже мешают, и они отказались от ног.

Вот так появились киты. Все мы питаемся планктоном, нашли мы и другую морскую пищу. Но никто из нас так и не научился дышать под водой!

Теперь ты понял, мой любознательный друг, почему я больше зверь, чем рыба. А вон погляди, бабочка, она залетела так далеко от берега перед долгой отличной погодой. Не будем её пугать, поплывём! Прощай! Может быть, ещё встретимся!

Волна, поднятая могучим хвостом, далеко отбросила Ерша в сторону.

«Вот это история!» — подумал поражённый Ершик.

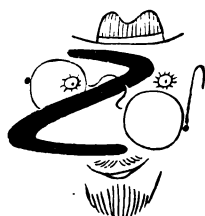
Он ещё немного поплавал у поверхности моря, но, вспомнив, что сегодня не завтракал, отправился искать себе что-нибудь съедобное, а заодно уколоть в бок знакомую кефаль, которая накануне утащила у него из-под носа аппетитного рачка... Но тут он почувствовал, что ужасно краснеет.. И на этот раз не от того, что ершится, а от стыда, что хотел обидеть беззащитную кефаль.

Валерий АУШЕВ

В полёте

*Иллюминатор —
Круглое оконце.
Как был бы грустен
Без него полёт!
Там, за стеклом,
Медлительное солнце
Оранжевой
медузой плывёт.
Там, под крылом,*

*Как на листе кленовом,
Блестят прожилки
Речек и дорог.
И деревенька
Брошена подковой,
И городок
Похож на коробок...
От городка,
Села иль деревеньки
Нас поднимают
Синие ступеньки
В страну мечты,
Чудес и волшебства,
Название которой —
Синева!*

«ЗДРАВСТВУЙ, уважаемый
Абзац! Я очень обрадова-
лась твоему появлению в «Искор-
ке». Читаю её с 1970 года и, на-
верное, буду выписывать и читать всегда... На страницах
«Страны Читалии» мне хотелось бы встретиться с писателем
Николаем Внуковым, — меня сильно взволновала его повесть
„Слушайте песню перьев“». Вот какое письмо получил я от

Оли Пономарёвой из 263-й школы. Оля высказала ещё много интересных пожеланий
и дельных предложений, и я с удовольствием выполняю сейчас её просьбу.

Пишите и вы мне, дорогие юные друзья. Спрашивайте, предлагайте, оценивайте —
ваши письма для нас большое подспорье в работе.

АБЗАЦ

Ю. АЛЕКСЕЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ НЕ КОНЧАЕТСЯ

...Корабли сцепились реями мачт. «Серапис» в упор гвоздил борта «Ричарда» залпами тяжёлых пушек. В разорванном мундире, с кортиком в руках, он метался по палубе, ободряя матросов. Вскоре оба корабля загорелись. С «Сераписа» крикнули: «Эй, на „Ричарде“, сдаётесь?» — «Я ещё не начал драться по-настоящему!» — прогремел он в ответ.

...Мустанг мчался прямо на него. Пригнувшись, он прынул на круп коня, разогнал мустанга в полный галоп. Свесившись с седла, подхватил с земли упавший лук. И в тот момент, когда конь круто свернул в сторону, он спустил тетиву. Сви-стнув, оперённая стрела ушла в цель.

...Он забрался в кабину, сел на переднее сиденье, положил рядом термос с горячим кофе и запустил двигатель. Моноплан медленно, а потом всё быстрее и быстрее пока-тился по дорожке и наконец ото-рвался от земли. Впереди лежал

ещё никем не пройденный путь в 6500 километров.

...Над узкой долиной, изрытой метеоритными воронками, высоко уходя в бархатно-чёрное небо, вздымалась громадная арка. Он замер в изумлении. Творение разума на Луне? Внеземная цивилизация?.. Спокойнее. Его дело — сбор фактов. Он вынул фотокамеру и сделал первый снимок.

Каждую из этих сцен отделяет от другой по меньшей мере век. И всё-таки берусь утверждать, что тут участвовал один и тот же человек. И не только потому, что он сам рассказал нам об этом, — те, кто хорошо знаком с творчеством Николая Внукова, конечно, уже припомнили его «Джона Поля Джонса», «Слушайте песню перьев», «Литуанику» и «Фотографию Архимеда». Но и потому ещё, что писатель действительно пережил всё, о чём нам поведал. И помогла ему в этом...

Впрочем, раскроем лучше самую первую книгу писателя — сборник рассказов «Розовая Гвиана» и прочитаем: «У меня есть чудесная машина, которая может унести меня на миллион лет в будущее и к первобытным людям в прошлое». Стоит захотеть — и можно мгновенно оказаться на палубе парусника, в

военном лагере индейцев. стать участником сверхдальнего перелёта и даже космической экспедиции грядущего века. С помощью этой машины или, вернее, машинки можно всё. Это — пишущая машинка.

Автор слегка слукавил. Секрет, конечно, не в этом. Ведь не так уж важно, каким способом переносятся слова на бумагу: гусиным пером или клавишами. Важно, как рождаются эти слова. Интересно, что помогает писателю ввести нас в свой мир воображения, заставить так же ярко увидеть всё, о чём он говорит. Талант, наблюдательность, память, богатый жизненный опыт?.. Во всяком случае, прежде чем сесть за пишущую машинку, Николай Внуков пережил множество испытаний, прошёл сотни и сотни километров отнюдь не воображаемых дорог.

Николай Андреевич Внуков родился в 1925 году, в Москве. Но, видно, судьба уже тогда готовила его к странствиям. Вскоре он переехал с родителями в Ленинград и жил там до шести лет. А затем Северный Кавказ, где отец его, инженер-механик, стал работать на Тырнаузском руднике.

Великая Отечественная война застала Николая Внукова в Нальчике. Осенью 1942 года с порога десятилетки он ушёл на фронт. А фронт был рядом. Гитлеровцы захватили Пятигорск. Танковая армия генерала Клейста и моторизованная дивизия СС «Викинг» рвались к Эльхотовским воротам. Здесь, под станцией Эльхотово, 22 сентября 1942 года комсомолец Николай Внуков принял свой первый бой. Вместе с ним сражались его однокашники. Давно ли они стояли у школьной доски, гоняли мяч, бегали в кино, спорили, кем лучше быть... Родина велела им быть солдатами. И они стали солдатами в первом же бою, не дрогнули, не отступили.

Много лет спустя Николай Внуков воскресил эти события в своей книге «Наша восемнадцатая осень».

Книга открывается посвящением: «Светлой памяти школьных моих товарищей, не пришедших с войны». Не пришло большинство — Победу встретили только трое его одноклассников, Николай был четвёртым.

Радист батальона связи Николай Внуков прошёл в частях 3-го Украинского фронта долгий и славный боевой путь, освобождал Моздок, Армавир, Ростов, Кишинёв, Унгены, добывал захватчиков уже на румынской, венгерской, австрийской земле. Долгожданный день 9 мая 1945 года пришёл к нему в Вене.

После демобилизации Николай Внуков вернулся в Нальчик. Опытный, обстрелянный воин, не миновавший ни ранений, ни контузий, кавалер восьми боевых наград и совсем ещё молодой человек. За плечами у него были многие тысячи ратных дорог, суровый университет войны и... десятилетка, которую он так и не успел закончить. Доучивался Николай уже в вечерней школе, а днём работал в местной газете «Кабардинская правда».

К литературе тянуло. Ещё с детства, когда он зачитывался книгами Стивенсона и Дюма, Фенимора Купера и Джека Лондона. В эти часы он чувствовал, что сам поочередно становится то Джимом Гокинсом, то благородным Д'Артаньяном, то отважным Ункасом или Мэлмутом Кидом. Но в мире ещё столько интересного, таинственного и загадочного!

«Меня увлекали, — вспоминает писатель, — все стороны человеческой деятельности разом. И если бы существовал на свете такой институт, в котором преподавали бы одновременно химию, астрономию, историю, теорию искусств, геологию и электротехнику, я пошёл бы в него не задумываясь».

Такого, само собой, не существовало... Николай Внуков поступает на физико-математический факультет ЛГУ. Но беспокойство, желание как можно больше увидеть своими глазами не отпускают его. Он переходит на курсы горных мастеров

и после окончания их работает картографом-топографом в поисковых партиях на Дальнем Востоке.

Через несколько лет решающий выбор, казалось бы, сделан. Окончив оптико-механический институт, Николай Внуков становится инженером-гидроакустиком. Он налаживает аппаратуру, возится с электронными схемами, конструирует сложные радиоустройства. Интересная, захватывающая работа. Но... где-то в эти же годы он снова пробует писать.

Первые его рассказы увидели свет в 1956 году. Они публиковались в «Искорке» и «Костре», в центральных газетах и журналах. В 1967 году издательство «Детская литература» выпустило первую книгу Николая Внукова — «Розовую Гвиану». За ней последовали «Фотография Архимеда», «Тот, кто называл себя О. Генри», «Наша восемнадцатая осень» и другие. С 1968 года Николай Андреевич Внуков член Союза писателей СССР.

Нынче готовится к печати его новая повесть «„Сверре“ зовёт на помощь», а в будущем году должны выйти «Паруса над волнами».

Что последует за ними — трудно предугадать. Трудно именно из-за необыкновенной широты интересов и неиссякаемой увлечённости писателя. Можно сказать, что его школьная мечта об институте, в котором преподают самые разные предметы — от электротехники до истории искусств, — все-таки сбылась. Таким институтом стала для Николая Внукова его собственная жизнь. Нет, он не метался в поисках пути — он просто с завидным упорством стремился знать и уметь как можно больше.

Спросите его о парусном такелаже, об устройстве телескопа, о походах Александра Македонского, об индийских йогах — он тут же прочтёт вам целую лекцию. Неутомимостью узнавать, любознательностью он, пожалуй, поспорит с любым пятиклассником.

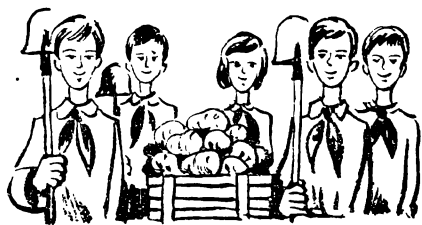
И при этом писатель отнюдь не этакий кабинетный эрудит. Обратите внимание: почти в каждой его книге герои всё время что-то сооружают, строят, мастерят: то паровую машину, то телескоп, то новый летательный аппарат... И рассказано об этом так ярко, вкусно и заразительно, что сразу чувствуешь — автору всё знакомо не понаслышке.

Сбылись и давние мечты о путешествиях. Николай Андреевич объездил почти всю нашу державу, побывал во многих странах Европы, Азии, Африки. Но есть у него одно, самое главное, непрерывное путешествие, в которое пустился он ещё в детстве, едва научившись читать. Сначала вели его в дорогу книги любимых писателей. Теперь он и сам каждой новой страницей собственной рукописи прокладывает свой дальнейший маршрут.

— Желание вообразить себя на месте другого человека, пережить вместе с ним необыкновенные приключения и трудные испытания, видимо, это и привело меня в литературу, — говорит Николай Внуков. — Первую, детскую попытку я сделал ещё в школе, классе в шестом. Мы с приятелем никак не могли достать не очень известную сейчас книгу Марка Твена «Том Сойер — разбойник», а прочитать, побыть Томом ужасно хотелось. И тогда мы сочинили её сами... Так что, о ком я ни пишу, я всё-таки пишу и о себе.

Вот ведь какое дело, не только мы, читатели, живём одной жизнью с любимыми героями, но и писатель сам каждый раз как бы перевоплощается в них, проникает в их думы и чувства. А иначе он, назерное, и нас бы не заинтересовал.

Да, поистине, книга — чудесное изобретение человечества, покоряющее пространство и время, не знающее ни границ, ни расстояний. Недаром последняя повесть Николая Внукова, целиком посвящённая волшебству Книги, так и называется — «Путешествие не кончается».

Второй хлеб

НЕДАРОМ КАРТОШКУ называют вторым хлебом. И это недалеко от истины. В шутку говорят, что из картофеля можно приготовить 999 блюд.

Для многих отраслей промышленности картошка служит прекрасным сырьём, а животноводы высоко её ценят как кормовую культуру.

У пионерских костров, в туристских походах, на лесных ночёвках печёная картошка — самое популярное, традиционное пионерское блюдо:

*Ах, картошка — объеденье,
Пионеров идеал!
Тот не знает наслажденья,
Кто картошки не едал!*

Вот почему мы хотим познакомиться вас, ребята, с «биографией» картошки.

ОКАЗЫВАЕТСЯ, картофель — иностранец. Родина его — южноамериканская страна Перу. Там он рос в диком состоянии. Позднее перуанцы стали сажать его у своих жилищ.

Европейцы впервые познакомились с картофелем более 450 лет

назад. Жестокий и вероломный испанский завоеватель Франциско Пизарро отправился к берегам Перу. Там в это время существовало большое государство инков, славившееся своей высокой культурой и сказочными сокровищами храмов и дворцов. Вместе с награбленным золотом испанцы привезли в Европу и картошку.

Среди них находился мальчик, тайком пробравшийся на корабль. Звали его Педро Съеза де Леон. Педро интересовало не золото, а далёкие страны, их жизнь и обычаи. Он с удивлением замечал, что индейцы старательно выкапывают из земли какие-то клубни. Педро присутствовал на празднике, который устроили индейцы, собрав урожай картофеля. Вперёд вышел вождь. В руках у него большое золотое блюдо, на котором в сосуде, напоминающем два сросшихся клубня, посажен цветущий куст. Установив блюдо на плоском камне, вождь поклонился ему. Следом вышли индейки. Они убрали куст золотыми украшениями и бусами. Под аккомпанемент барабана индейки исполнили вокруг куста торжественный танец.

«Как счастливы и беспечны жители, когда получают хороший урожай», — подумал Педро. А индейки доброжелательно и щедро протягивали ему клубни.

«Это особый род земляных орехов», — определил Педро, пробуя клубни, — будучи сварены, они становятся мягкими, как печёный каштан, при этом они покрываются кожурой, не толще кожуры трюфеля...»

Любознательный Педро де Леон записывал всё, что видел в Перу. В 1553 году в Севилье вышла его книга «Хроника Перу», в ней он писал и про картофель.

ПОПАЛ картофель и в Италию. Здесь за внешнее сходство с трюфелями его называли «тартуфолью». Со временем это название изменилось на «картофель». Садовник самого римского папы посадил его в

землю, и чудесные клубни принесли потомство. Часть их попала в Бельгию, часть — в Австрию. Так постепенно узнали о картошке в разных странах Европы.

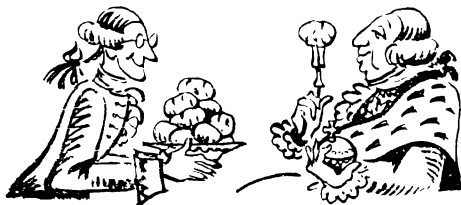
ФРАНЦУЗЫ называли картофель «земляным яблоком». Его история во Франции очень любопытна.

Во время Семилетней войны молодой француз, аптекарь Антуан Пармантье, был санитаром. Однажды его захватили в плен прусские гусары и бросили в тюрьму. Вечером надзиратель принёс ему миску с едой. «Этими клубнями пруссаки кормят скотину и пленных, — рассматривая содержимое миски, решил Пармантье. — Говорят, человек, поевший картофель, может заболеть проказой. Но делать нечего!» И Пармантье, попросив тюремщика принести ему соли, разломил картошку. «О, — сказал он, — это кушанье сытно да ещё и вкусно!»

Так познакомился с картошкой человек, который потом всю свою жизнь упорно боролся за распространение картофеля во Франции.

Прошло шесть лет, и Пармантье вернулся из плена во Францию, где в эти годы царствовал Людовик XVI. Роскошь двора требовала больших расходов, и народ облагался непосильными налогами. Люди голодали, но короля и королеву меньше всего интересовали нужды народа. Пармантье обращался к министру, к благотворительным обществам, настаивал на широком распространении картофеля. Газеты потешались над «вздорными фантазиями» аптекаря, который вздумал засеять картофелем бесплодный пустырь.

Тогда Пармантье решился на хитрость. Он проник к самому королю и преподнёс ему букет из цветов картофеля. «Это картофель, — сказал Пармантье, — хлеб бедняков. Где есть картофель, там не может быть голода. Сир, я хочу просить у вас для охраны картофеля несколько солдат». — «Ты думаешь, найдутся желающие его похитить?» — спросил король. — «Ведь картофель годен лишь для откорма свиней». — «Вам

неправильно доложили, сир, картофель может заменить хлеб!..» И король дал солдат для охраны участка, где росла картошка. А Пармантье решил так: ведь каждому захочется узнать, что охраняет чужак аптекарь, а на ночь он будет снимать стражу. У участка повесили большой плакат:

«Заморские растения картофеля, посаженные на земле аптекаря Пармантье, охраняются государством».

«Видно, это земляное яблоко представляет большую ценность, если король не жалеет солдат на его охрану, — говорили горожане. — Ну ничего, будет темно и...»

Поздно вечером к Пармантье прибежал мальчик: «Послушайте! Какие-то люди выкапывают картошку. Бегите скорее!»

«Вот если бы так волновалась за картофель вся Франция, я бы считал, что дело моё сделано!» — сказал Пармантье.

Так хитростью Пармантье добился признания картофеля во Франции. И соотечественники сохранили о нём благодарную память: каждый год на его могиле цветут цветы картофеля.

В **БИОГРАФИИ** картофеля немало любопытных фактов. В XVIII веке прусский король вёл с Австрией войну. Уничтожение картофеля и его запасов на корню, занятие районов, где возделывался картофель — осно-

ва питания населения,— вот в чём заключалась тактика этой войны, получившей в истории название «картофельной».

В честь картофеля воздвигнуто пять памятников: два из них во Франции, два в Германии и один в Швеции. Французские памятники посвящены аптекарю Пармантье. Один из них — под Парижем, где впервые был посажен картофель, а другой — на родине Пармантье, в маленьком городке Мондидье. Этот памятник изображает учёного с букетом цветов картофеля в руках. На одной стороне памятника высечена надпись: «Благодетелю человечества», на другой начертаны слова, сказанные Пармантье Людовиком XVI: «Поверьте мне, настает время, когда Франция поблагодарит Вас за то, что Вы дали хлеб голодающему человечеству».

На рыночной площади немецкого города Оффенбурга стоит памятник, на пьедестале которого возвышается воин в старинном одеянии, с гордо поднятой головой. В руках у него — куст картофельных клубней. Картофельные клубни украшают также фриз этого памятника с надписью: «Сэр Фрэнсис Дрейк, распространивший картофель в Европе в 1586 году. Вечная слава кормильцу людей, населяющих земной шар».

Четвёртый памятник, в виде скалы, был воздвигнут также в Германии, в городе Гарце. На памятнике написано: «Здесь в 1748 году был сделан первый опыт разведения картофеля».

В Швеции, в городе Гётеборге, на Малой площади на высоком гранитном пьедестале возвышается бронзовое изваяние человека в длинном сюртуке, в чулках, с большими бантами на башмаках. Памятник окружают клумбы, на которых цветёт картошка. Это гётеборжец Ионас Альстрём, который завёз в Швецию картофель и стал первым его здесь выращивать.

В РОССИЮ картофель был завезён при Петре I. Путешествуя по

Голландии, Пётр I прислал мешок картошки в Петербург с наказом: «Приглашать население заниматься разведением картофеля». Однако духовенство препятствовало этому начинанию, вселяя населению суеверный страх. «Чёртовое яблоко,— говорили попы,— запрещённый плод, богом проклятый, в землю загнанный»...

В августе 1741 года в Зимнем дворце для праздничного стола из Ботанического сада Петербурга прислали «тартуфель». На всех гостей распределили всего лишь 500 граммов картошки. У вельмож картофель вызвал отвращение ввиду своего земляного происхождения.

После указа Николая I в 1842 году об обязательной посадке картофеля возникли народные волнения — «картофельные бунты». Картофель разводили тогда ещё очень неохотно из-за суеверного страха перед ним. Но постепенно он широко распространился в России. Сейчас его разводят у нас повсюду — от Черноморского побережья до Заполярья, от берегов Балтики до Камчатки. Над улучшением его сортов работают учёные. В Ленинграде находится Всесоюзный институт растениеводства, который имеет в г. Пушкине большой картофельный питомник. В нашей стране культивируется более 60 сортов картофеля.

Недавно сибирские учёные вывели новый сорт — «Ермак» и дали юннатам Пановской школы задание: испытать сорт «Ермак» на землях их района. Было у ребят всего несколько клубней, а сейчас в семье каждого из них растёт вкусный сибирский картофель. Особенно хороший урожай получил Серёжа Гасилин: некоторые выращенные им клубни весят по килограмму! Пановские юннаты ставят опыты по всем правилам науки и о своих испытаниях и результатах сообщают учёным.

Рис. К. Дмитрикова

ИЗОБРЕТАТЕЛЮ... 16 ЛЕТ

Учащийся Барановичского ПТУ металлистов Виталий Петровский получил первое в жизни авторское свидетельство. Прочитав в журнале «Юный техник» статью, в которой рассказывалось о механизмах ленинградских мостов, Виталий создал свой оригинальный проект их разводки.

Госкомитет Советов Министров СССР по делам изобретений и открытий отметил, что работа Виталия — новое слово в практике мостостроения и выдал ему авторское свидетельство. Применение изобретения позволит в четыре раза сократить количество рабочих, значительно удешевит расходы при сооружении и эксплуатации мостов. Комсомольцу-изобретателю 16 лет.

РИСУЮТ ДЕТИ

Возраст художников — от 6 до 16 лет. Живут они далеко друг от друга — в разных районах земного шара.

Ребята с большим интересом знакомятся с рисунками своих сверстников на выставке в Омском областном музее изобразительного искусства, где представлены рисунки детей из 40 стран мира.

ВОТ ЭТО КАРТОФЕЛЬ!

На опытной станции Лэзарм и во многих сельскохозяйственных кооперативах уезда Харгита (Румыния) в минувшем году выращен рекордный урожай картофеля, причём некоторые клубни весят по два килограмма и более.

Придя в магазин или на рынок, покупатели часто просят взвесить им одну картофелину!

ДРЕВНЕЙШЕЕ РАСТЕНИЕ НА ЗЕМНОМ ШАРЕ

Это виноград. Палеобиологи Алматы обнаружили в Западном Казахстане отпечатки листьев лоз, которые росли 90—95 миллионов лет назад. Эти следы дикого винограда хорошо сохранились в меловых отложениях.

Находка свидетельствует, что любимый нами виноград является современником... динозавров.

ЗВЕРИ... «БЕЗ РАБОТЫ»

Волна банкротств захлестнула английские зоопарки. Закрылся один из старейших зоопарков страны «Бельвью» в Манчестере. Прекратил существование зоопарк в шотландском городе Абердин. Еле сводит концы с концами знаменитый Лондонский зоопарк.

Проблемы не шуточные. Нужно накормить 6 тысяч животных. Для этого в год требуется 300 тонн сена, 80 тонн моркови, 45 тонн картофеля, 12 тысяч литров молока и многое другое. А цены растут. Соответственно возросла и стоимость входных билетов, что привело к уменьшению числа посетителей. В результате звери остались «без работы» — их некому демонстрировать.

...доброе сотрудничество людей и... дельфинов подтверждается многими фактами! На побережье Атлантики обитает небольшое племя имарганов, основным промыслом которого является рыболовство. Эти потомственные рыбаки всегда имеют хороший улов. В этом им помогают дельфины, которые в большом количестве водятся в прогреваемых тропическим солнцем водах Тимирисского залива. Когда рыбацкие дозоры обнаруживают косяки рыбы, рыбаки начинают бить по воде палками, подражая всплескам играющей рыбы. Привлечённые этими звуками дельфины стаями направляются к берегу, загоняя рыбу в расставленные сети.

...Польша занимает второе место в мире, после СССР, по производству картофеля! В стране выращивается до 50 миллионов тонн картофеля ежегодно. Это одна шестая мирового урожая.

...в Индии составлен многоязычный словарь цыганского языка! Как утверждает автор словаря индийский лингвист В. Р. Риши, миллионы цыган, расселившиеся по многим странам, — выходцы из Индии. Принадлежали они к сословно-кастовым группам раджутов и джатов и покинули родину около тысячи лет назад. Сохраняются у цыган и некоторые индийские традиции и обряды.

...от Зеленоградска до Клайпеды, на 97 километров, тонкой дугой тянется Куршская коса! Это единственное в северных широтах место, где, как в пустыне, движутся пески. Называют эту косу ещё птичий мост. Вдоль неё каждую весну и осень летят крылатые путешественники. Здесь сходятся пути дроздов, дятлов, соловьёв, соколов, скворцов и множества других обитателей лесов северо-востока Европы. Этот путь для сезонных миграций облюбовали 138 видов пернатых. До полутора миллионов птиц пролетает здесь ежедневно.

...английские учёные создали аппарат, вырабатывающий искусственное молоко из растительных кормов! Внутреннее устройство аппарата дублирует пищеварительные органы коровы. В отличие от обычного синтетического молока гуще и имеет слабый ореховый привкус. Аппарат вырабатывает молоко в два раза быстрее, чем это происходит в организме коровы, и искусственное молоко стоит в два раза дешевле натурального.

...по данным ООН, население земного шара увеличилось с середины 1975 года до середины 1976 года на 77 миллионов человек и составило 4,044 миллиарда!

...стоянка первобытного человека, жившего более чем полтора миллиона лет назад, найдена в Азыхской пещере, расположенной в предгорьях Малого Кавказского хребта! Это третье столь древнее жилище наших предков, найденное на земном шаре. За 15 лет раскопок здесь вскрыто шесть культурных слоёв. От самого молодого нас отделяют примерно 120—150 тысяч лет. Возраст самого старого слоя приближается к полутора миллионам лет.

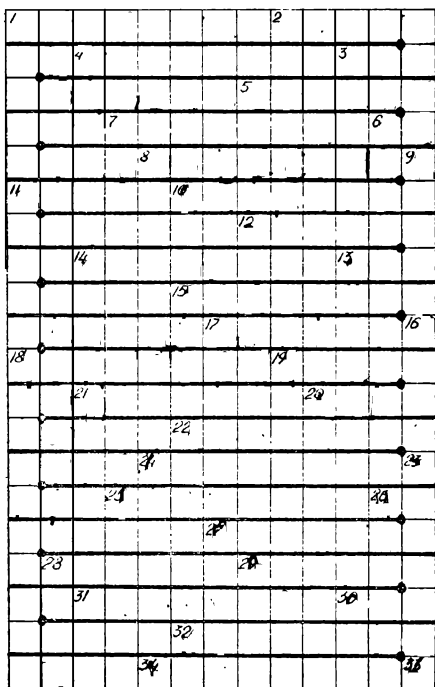

...сотрудники одной научно-исследовательской лаборатории в США, чтобы уберечь от любопытных приборы, установленные в лесу для контроля за ростом деревьев, замаскировали их под пчелиный улей! За четыре года к ним действительно не прикоснулся ни один человек. Пчёлы оказались надёжными сторожами.

...ни в одной стране не путешествуют так много, как в нашей! В среднем в год советский человек в таких поездках совершает путь длиной более двух тысяч километров. За последнее десятилетие возможность путешествий более чем удвоилась. Это, несомненно, результат возросшего благосостояния и значительных изменений в бюджете времени — увеличение продолжительности отпусков, введение пятидневной рабочей недели с двумя выходными днями, увеличение личного транспорта...

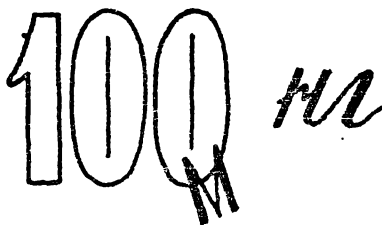

1. Транспортировка леса по воде.
2. Духовой музыкальный инструмент.
3. Право пользования библиотекой, местом в театре, бассейном на определённый срок.
4. Область науки, техники и культуры, связанная с передачей зрительной информации на расстояние радиоэлектронными средствами.
5. Военское звание.
6. Круг ролей, в которых выступает актёр.
7. Грузинский поэт XII века.
8. Осадочная горная порода.
9. Род войск, в котором в бою использовалась верховая лошадь.
10. Крупа, получаемая из зёрен гречихи.
11. Драгоценный камень.
12. Слесарный инструмент.
13. Деревянная дуга для переноски вёдер.
14. Четырёхлетний период, в первый год которого проводятся Олимпийские игры.
15. Прибор для измерения силы постоянного и переменного тока.
16. Очищенный сахар в кусках.
17. Десятая часть метра.
18. Одновременный ход королём и ладьёй в шахматной игре.
19. Город на севере Бельгии, у границы с Нидер-

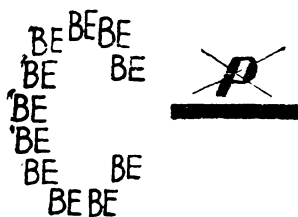
ландами. 20. Русский поэт. 21. Открытый узкоколейный железнодорожный вагон для перевозки грузов на короткие расстояния. 22. Спортсмен, занимающийся восхождением на труднодоступные горные вершины. 23. Помещение для содержания мелких наземных животных. 24. Единица длины. 25. Выдающийся архитектор, представитель русского барокко, автор величественных сооружений в Ленинграде и Петродворце. 26. Лицо, обычно официальное, скрывающее своё настоящее имя. 27. Застеклённое помещение для выращивания зимой южных вечнозелёных растений. 28. Советский авиаконструктор. 29. Специалист по заболеваниям и лечению животных. 30. Чертёжный инструмент. 31. Электрический коммутационный аппарат с ручным управлением. 32. Паук. 33. Многолетнее растение. 34. Мера веса драгоценных камней и жемчуга.

МИНИ-РЕБУС

Название какого животного можно прочесть, разгадав этот ребус?

РЕБУС-МАЛЮТКА

В этом ребусе «спряталось» всего лишь одно слово... Сможете ли вы разгадать его?

Проверь себя

[Ответы к «Искорке» № 5]

КРОССВОРД

По горизонтали. 5. Косинус. 6. Суббота. 7. Ясень. 10. Вилка. 13. «Свисток». 14. Ванилин. 15. Любляна. 17. Позитив. 18. Ватин. 20. Алмаз. 21. Адаптер. 22. Триплан.

По вертикали. 1. Окись. 2. Особняк. 3. Антонов. 4. Устав. 8. Севрюга. 9. Носилки. 11. Инициал. 12. Клиника. 16. Авиация. 17. Пестель. 19. Нарты. 20. Арена.

ХОДОМ КОНЯ

Вдруг ничего не бывает.

ЦЕПОЧКА МЕТАГРАММ

Басня, башня, пашня, пешня, песня.

Содержание

Город-Лес. Стихотворение Георге Блэнару	1
Камни-великаны. Очерк Василия Островского	2
Взгляни на небо. Продолжение повести Ильи Дворкина . . .	9
Самая сложная машина. Беседа с академиком В. Н. Черниговским	29
Трубка пирата. Повесть Александра Иванченко	33
Индийские легенды	45
Обида. Бывалый заяц. Стихотворения Олега Бундура . .	47
Необычное соседство. Рассказ Леонида Иванова	48
Дикарка. Рассказ Е. Андреева .	50
Воробей. Рассказ А. Шибаева .	51
Удивительная прогулка. Стихотворение Валерия Шумилина .	52
Кит и Ерш. Сказка А. Страшкова	53
В полёте. Стихотворение Валерия Аушева	54
Путешествие не кончается. Очерк Ю. Алексеева	55
Второй хлеб. Очерк В. Гликина .	58
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят . . .	63

На 1-й странице обложки рисунок Л. Коломейцевой «Летим в лето!»

На 2-й странице обложки «Пионерская зорька». Фотоэтиюд О. Миронца.

На 3-й странице обложки «Лауреат премии Ленинского комсомола бригадир сортировщиков пятого цеха Ленинградского почтамта Наталья Феоктистова». Фото В. Голубовского.

На 4-й странице обложки рисунок П. Вискова «На лыжах круглый год».

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

Редактор-составитель В. В. ГУСАРОВ

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов, Н. А. Внуков, К. Н. Курбатов, А. М. Млодик, В. Н. Сулов

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 6.05 1978 г. Подписано к печати 19.06 1978 г. 4 п. л.
М-31857. Зак. № 650. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 55 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57.

© 1975 by [illegible]